

Зубы настежь

Юрий НИКИТИН

Уши в трубочку

«ЭКСМО»

2003

Никитин Ю. А.

Уши в трубочку / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2003 — (Зубы настезь)

Это очень серьезная книга, для продвинутых людей, имеющих высшее образование, а лучше – два-три. Также желательно знание основ строения Вселенной, квантовой физики и социального строя матриархата на островах Полинезии. Для более полного понимания рекомендуется получить хотя бы начальное представление об основах мирмекологии, чтобы отличить строение яйцекладов формика пицца от яйцекладов кампонотуса, что очень важно для понимания философии романа. Произведение рассчитано на сравнительно широкий круг образованных читателей.

© Никитин Ю. А., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Часть I	8
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	31
ГЛАВА 5	39
ГЛАВА 6	46
ГЛАВА 7	53
ГЛАВА 8	61
ГЛАВА 9	67
ГЛАВА 10	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Юрий НИКИТИН

УШИ В ТРУБОЧКУ

...а также Суанте, Багире, nice и Мышке:-))

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему нет моих интервью, почему не мелькаю по телевидению – ответил в FAQ на сайте, но для тех, у кого нет доступа к Инету, поясню вкратце здесь. Давайте скажем честно, чего хитрить, все от Адама: от интервью никто не ждет откровений, кроме как скандальных подробностей, кто кого сгреб. Желательно еще, в какой камасутре. И когда некто типа академик роется, хрюкая от наслаждения, в личных письмах Пушкина, не фиг прикидываться, что исследует тайны творчества, эстет хренов! Слюнями истекает, выискивая постельные сцены. Вот облом бы несчастному вуайеристу, если бы в самом деле попадались только тайны творчества!

Смешно участвовать в телешоу, но даже не только потому, что они для баранов, умные люди тоже иной раз смотрят краем глаза за ужином. Но козе понятно, что любой мыслитель по всем статьям проиграет бойкому ведущему или заурядному газетчику, который приглашен ведущим, чтобы обломать рога чересчур умным. Представьте себе Льва Толстого и ведущего (фамилию подставьте сами). Толстой трудно и тяжело мямлит, на ходу создавая головоломную истину, а ведущий с хорошо подвешенным языком за словом в карман не лезет, наготове приколы, шуточки, обкатанные хлесткие ответы – кто будет выглядеть умнее, лучше, ярче, увереннее, что так любит простой и даже очень простой электорат?

Они хотят, чтобы я выступил на их поле и сыграл по их правилам. Фиг вам, бойкие ребята. Сыграйте на моем поле, где все честнее, т.е. сядьте и напишите книгу, чтобы читающий мог просто смотреть на значки на бумаге и складывать из них слова, фразы. И чтоб не помогали в этом процессе ни широкая улыбка ведущего, ни его уверенный и поставленный имиджмейкерами голос, ни жесты, ни галстук, ни умение подмигивать в зал, где сидят отобранные и выучившие урок люди. В процессе, когда читающий остается один на один с книгой, ведущий телепередачу не оборвет вроде невзначай, не поставит подножку, а на умную, но трудную мысль не сумеет ответить готовой шуточкой, на что приглашенное в зал стадо с готовностью отвечает гоготом.

Никого не обвиняю, но, когда вижу, как иного умного и местами даже мудрого человека бойкие ребята затаптывают пошлейшими шуточками и тупейшими вопросами, становится неловко за этого умного... польстившегося на возможность прокричать с экрана миллионам телезрителей истину. Сам, повторяю, на эту удочку не попадаюсь.

Ладно, про жвачник объяснил, а теперь для тех, кто в танке, объясняю на пальцах, для доступности, значитца, как начинаются разговоры про интервью.

Интервьюист:

– Юрий Александрович, как хорошо, что я вас встретил вот так прямо в метро, а то по вашему телефону какой-то гад всякий раз на... словом, посылает.

Ю.А.:

– Считайте, что уже пришли.

Интервьюист:

– Мы решили дать вам возможность сказать интервью.

– Эт ваше дело, что вы там решили. Извините, спешу.

Интервьюист (обалдело):

– Вы че? Не понимаете?.. Мы даем вам возможность сказать о себе, своих книгах широкой массе! Да вы знаете, какие имена и чины за нами бегают, умоляют сказать нам интервью? Какие бабки нам плотюют, чтобы мы эти самые интервью?.. Как за нами на коленях ползают эти сраные писателя, только бы вползти на страницы наших газет, журналов, рассказать, какие они гениальные, как пишут, творят, значитца?.. А вы, извините, харю воротите?

Ю.А.:

– Книги, того, пишу.

Интервьюист:

– Ладно, меня к вам послали из газеты, вот и пришел, так что первый вопрос: считаете ли вы, что постмодернистская трехчленная конструкция сюжетизма испытала влияние гиперпанковского ундергедонизма в сочетании с общим влиянием Мирового разума через задний канал воздействия на человечество? Как это отображено в ваших книгах?

Ю.А.:

– Отображено. Читайте, узнаете.

Интервьюист (отключая диктофон):

– Скажу честно, книжки читать – глаза портить, да еще и лысина нечаянно нагрывает, а у меня пока с хэдэншолдерс за сорок у.е.б.у! К тому же в интервью сам себя покажу, мои вопросы круче ваших ответов, главный редактор меня заметит, оценит виртуозный стиль, жене и любовнице покажу свои виртуозные и умные вопросы, на высшую журналистскую премию выдвинусь, у меня кое-какие концы появились, все схвачено!

Ю.Н.:

– В моих книгах все сказано.

Интервьюист (отключая):

– Да когда их читать?.. Вы мне по-быстрому насвистите свою фугу, пока на эскалаторе едем... ах да, вы же не фуги, а книги... да один хрен, что-нить клубничное, а статью забацию отпадную, улетную...

Ю.А.:

– В книгах есть. Прочтете, напишете.

Интервьюист (нервно включая, затем отключая снова):

– Скажу по секрету, статьи надо... эта, буквами. Интервью проще: включил диктофон, и всего делов!.. Я вообще писать не умею, там закорючки какие-то... Кириллица, говорят. А так приду, брошу кассету машинистке, распечатает чин-чинарем! Я уже три премии по журналистике огреб, и никто не врубился, что буквов не знаю. Да и кому это надо в век цифровки? Вон на телевидении две трети неграмотных, и – ничего, такие бабки гребут! Теперь букочки вообще не нужны, все с картинками. Пиктограмки называются. Зато оцифрую – класс! Голос, как у генерала, сделаю, хотите?.. Или как у тенора, или с хрипотцой, как у Лебеда?.. Стойте, куды ж вы?.. Эх, ладно, вон за мной толпа писателей на коленях ползет, гады! Сперва покуражусь, а потом выберу, у кого изволить принять интервью.

П.С. Не стал бы писать вот такое несколько раздраженное, но время от времени появляются «псевдоинтервью», как-то, к примеру, в «Независимой газете» от 17 октября 2002-го (<http://exlibris.ng.ru/fakty/2002-10-17/1...nikitin.html>) или в «Бумеранге» за декабрь 2002-го (<http://www.bumer.ru/12-2002/02.html>). Авторы надергали из подобных этому предисловий отдельные фразы, состряпали из них «интервью», а дыры заделали своим текстом, имитируя мою речь, отчего образовались перлы, где я сообщаю о своей жизни в Киеве (как же, раз я с Украины, то из Киева, есно. А в Японии, кроме Токио, тоже нет городов) и прочие дурости.

Информирую: если встретите интервью с Никитиным, знайте – подлог. Интервью я не даю, в отличие от того стада, которое, ну, сами понимаете:-)... Это мой собственный эксперимент над обществом. О его сути сами догадайтесь. Но это смотря чьи вы дети:-)

Часть I

ГЛАВА 1

Я шел домой с явным намерением дать соседу в рыло. Я живу в коммуналке, на двери шесть звонков, надо будет ткнуть в его кнопку, будто ошибся, а когда эта паскуда выползет, обрадуется, что я ошибся, есть повод поорать, тут же и вмажу со вкусом... Да так, чтобы в стену влип. А потом еще пачку в хлебало, пока не ляжет... Ладно, лежачих не бью. Нет, все-таки попинаю, теперь все перешли на восточные календари, восточные гороскопы, компы восточной сборки, а у тамошних принято ногами лежачих, даже в спину или ниже пояса.

Скажу в перепуганную харю, что довел меня, сволочь. Русские долго терпят, но больно бьют. Если ванную снова займет в мое время – убью. В туалете чтоб гасил свет, сволочь. Что набегут копейки – по фигу, но когда там свет всюю, значит – занято. Час занято, два занято, усратья же можно...

С Тверской свернул в свой Козицкий переулочек, в Центре такие ужайшие проходы, что если растопырится, как будто горы мускулов мешают прижать руки к бокам, то почти скребешь локтями пыль веков со стен, которые до тебя отирали спинами скучающие бояре в ожидании утра стрелецкой казни. Здесь переулочки, как вскрытые мышинные норы, кривые, раздутые, будто изломанные ревматизмом суставы. Я подумал о ревматизме и тут же вспомнил, что мама напоминает про бабушку, у той как раз эта беда с суставами, болеет, пора бы забрать к нам в Москву. Но сперва надо съездить туда, на Украину, привести в порядок ее домик. Он уже почти мой, бабуля завещала.

Плечи передернулись, как будто с крыши меня окатили холодной водой. Привести в порядок старую избушку на окраине города в так называемом частном секторе! Ни воды, ни газа. Электричество подведено, и то счастье. Как управляться с таким наследством? С другой стороны, это все-таки деньги. Пусть в недвижимости. Можно реализовать за наличные. Пусть хлопот будет полон рот, пока домик приведешь в порядок, составишь все необходимые бумаги, а их понадобится вагон и маленькая тележка – всем чиновникам кормиться надо! – зато какая-то сумма останется, что совсем не лишнее при моих пустых, да еще и дырявых, карманах...

Я потянул на себя дверь подъезда, мастодонт, а не дверь, на цыпочках и держась подальше от заплыванной стены с обгорелыми почтовыми ящиками начал подниматься по лестнице. Лифт, конечно же, стоит с открытыми дверьми. Я не стал искушать судьбу, раз в неделю кто-нибудь да застрянет, да так основательно, что аварийная бригада часа три-четыре мудохается, проклиная старинные конструкции...

Я топал по старинной широкой лестнице на свой шестой этаж, когда сзади послышались шаги. Я скосил глаза: по широким ступенькам неспешно и с достоинством поднимается очень приличный господин. Мне он так и показался: приличный господин, хорошее воспитание, десять поколений камергеров... или камердинеров, как их там правильно, одет настолько тщательно, что просто я даже не знал, что можно так тщательно, это даже карикатура какая-то, сейчас даже депутаты стараются походить на диджеев!

Правда, костюм его, как говорили в старину, знавал лучшие времена, но чувствуется, что за ним следят, чистят. В руках у господина толстая папка. Девять десятых ее толщины – обложка из крокодила или чего-то еще редкого, а внутри явно одна-единственная бумажка. Дань старине, ведь сейчас всю мировую классику литературы проще унести на одном сидюке, а документы даже замшелые деды научились перебрасывать по емэйлу.

– Простите, – проговорил он вопросительно. – У меня к вам очень важное дело...

– В самом деле? – спросил я с сомнением.

– Очень, – ответил он очень серьезно.

Я окинул его взглядом: господин не из моей квартиры, а соседей мы, как водится, не знаем, а когда встретимся на лестничной площадке или у лифта, то, как положено у русских, не здороваемся и вообще смотрим упорно мимо. Не потому, что сплошь такие хамы неумытые, а просто ни одного в такой огромной стране не обучили, что надо здороваться и спрашивать о погоде.

– Здесь не решить? – спросил я.

– Увы...

Я с сожалением полез в карман за ключом. Мордобитие откладывается, а жаль, как будто конфетку прямо изо рта выхватили.

Ключ без труда попал в разболтанную скважину. Дверь с противным скрипом отворилась.

– Заходите, – сказал я и отступил, пропуская неожиданного гостя вперед.

Квартира у нас из тех старинных, еще дореволюционных, в смысле – не доперестроечных, а дооктябрьских, еще при царях построенных, огромная, как ангар, шесть комнат, кухня – двадцать метров, есть еще и комнатка для прислуги, отдельный черный ход, по которому зеленщик и молочник приносят... приносили мясо, да и прислуга пользовалась только им, а сейчас там всю лестницу бомжи и наркоманы облюбовали под свои олимпийские игры.

В коридоре, у единственного на всю квартиру телефона, в грязном полураспахнутом халате Марья Петровна громко рассказывает, как на нее вчера посмотрел в троллейбусе очень интересный мужчина, наверное, полковник, ну просто настоящий полковник, вот такие усы, а что живот, так где теперь мужчины без живота... С кухни несет смрадом, это армянин жарит свои национальные блюда, это я так называю, хотя просто кто-то забыл уменьшить газ, а соседи злорадно наблюдают, как все выкипело, а теперь обугливается...

Господин, у которого ко мне важное дело, в прихожей остановился, не делая ни малейшего движения. Вообще-то под куполом цирка крутить двойное сальто без страховки менее опасное занятие, чем в наше время незнакомых людей пускать в квартиру, но этот господин внушает такое расположение, словно над ним поработали имиджмейкеры самого президента. И даже поношенный костюм располагает к себе больше, чем малиновый пиджак шоумена. К тому же в коммуналку ни один грабитель не рискнет войти, будучи в здравом уме.

– Вот эта дверь, – сказал я. – Моя комната. Остальные – соседские. Это коммуналка, если вы еще не поняли по количеству звонков на двери.

– Понял, – прошептал он с огромным уважением. – Это делает вам честь... Я бы не смог. На второй-третий день сошел бы с ума.

– Дык я ж супермен, – ответил я с горькой иронией, – живу так уже который год.

Он перешагнул порог и остановился, глаза сканируют более чем спартанское помещение с непонятным мне выражением. Я повел рукой, молча приглашая располагаться, выбор не так уж и велик: стул, табуретка и рассыпающийся диван, он же и кровать. Еще можно сесть на подоконник, по-старинному широк, как обеденный стол, там иногда сидят раскрепощенные девушки, скрестив или растопырив ноги на уровне моего лица.

– Чай, кофе? – сказал я и, не давая ему раскрыть рот, добавил: – Вообще-то чая у меня сто лет не было. Но кофе неплохой...

Он перевел взгляд на меня все с тем же непонятным выражением.

– Вы предлагаете мне?

– Да, – ответил я, – а что такого? Да вы садитесь, садитесь. Мне молоть на вашу долю?

Он перевел взгляд на стол, где рядом с моей пишущей машинкой и разбросанными листами по-хозяйски устроилась закопченная джезва.

В серых глазах неопределенного цвета мелькнуло непонятное мне смущение.

– Боюсь, что вынужден отказаться. Для меня это была бы чересчур высокая честь, но вашему престижу – урон...

Это что-то слишком мудро для меня. Я засыпал зерен в кофемолку, господин все еще изволил замереть в почтительной позе. Я указал на стулья, он снова поклонился, но продолжал стоять. Я сел, и он почтительно опустился. На самый край стула. Руки продолжают сжимать папку.

Пока я молчал, засыпал, следил, как коричневая поверхность начинает приподниматься, он молчал, наблюдал за моими движениями. И лишь когда я снял джезву, он сказал все так же почтительно:

– Я уверен, этот волнующий момент войдет в историю. Летописцы будут пересказывать и переписывать, добавляя все новые подробности... как это всегда делается, но я... но мы...

Я поинтересовался:

– Вы не знаете, как молоть кофе?

– О, мы знаем многое! Но будет записано, что вы мололи кофе собственноручно...

– Это электрическая, – ответил я, – но у меня, помню, была и такая, где приходилось крутить ручку... А что в этом странного?

– А что это делаете вы, сам Гакорд!

– «Сам» – это звучит хорошо, – признал я, – но вот «Гакорд» – из другой оперы.

Он спросил настороженно:

– Что, и здесь есть уже опера? Как называется?

Я сдвинул плечами.

– Да просто спэйс. Спэйсопера. Правда, есть вроде бы и простые, обычные... всякие там лебединые озера, онегины и сусанины, но то все для археологов.

– Спэйсопера, – повторил он задумчиво. – Как интересно... Похоже на остатки древних знаний... Позвольте представиться – мажордом его герцогского сиятельства Индельв Сто Сороковой. Это значит, ваше герцогское сиятельство, что мы, род Гемингов, вот уже сто сорок поколений служим при дворе вашего герцогского сиятельства!

– Ага, – сказал я. Я дал приподнявшемуся кофе чуть отстояться, но не чересчур, люблю горячий, помешал, чтобы муть опустилась, выждал и разлил по чашкам. – Вам сколько сахара? Впрочем, вот сахарница. Добавляйте, как пишут в инструкциях, по вкусу.

– Вы, вижу я, любите кофе?

– Да, – ответил я. – Горячий, сладкий и в большой чашке. Завистники говорят, что потребляю кофе в невероятных количествах, слишком много ему внимания, но... я в самом деле люблю кофе. И жареного кабанчика, кстати. Хоть никогда и не пробовал. Это, так сказать, мечта бунтующего иудея.

Он тонко улыбнулся:

– А гуся, обмазанного мокрой глиной и брошенного в костер?

Я удивился:

– И это знаете?

– Мы многое о вас знаем, – ответил он. – Просто не было уверенности, что вы – это Вы, потому мы проследили путь примерно трех миллиардов особей на Земле. Правда, поколебало уверенность, когда попробовали сами гуся обмазать глиной и в костер... гм... но списали это на приколлизм, недавно возникшее течение на этой планете, характерное для эпохи бегства от реальности.

Я придвинул к нему чашку.

– Горячий кофе помогает выбрать для бегства мир получше.

– Спасибо, ваше сиятельство, – поблагодарил он. Тут же добавил поспешно: – Вижу ваше недоумение, даже недоверие... столь понятное в данном случае, перехожу к сути. Дело в том, что вы – единственный наследник герцогства Ургундия. Нам стоило немалых трудов разыскать вас, но сейчас я просто счастлив!

Я размешал сахар, ибо, несмотря на бунтарские декларации, в самом деле, что бы ни говорили эстеты, люблю кофе крепкий и сладкий. Пальцы мои еще не вздрагивают, но в груди отозвалась щемящая струна, а над головой едва слышно протрубили боевые трубы.

– Герцогства? – переспросил я.

– Да, ваше сиятельство.

– Это где же такое?.. Монако, Сан-Марино, Урюпинск, Сен-Жесия... Гм...

Он мягко улыбнулся:

– Не трудитесь, ваше сиятельство. Трудно вспомнить то, чего не знали. Это не на этой планете. Даже не в этой звездной системе.

Мои ноги начали дрожать так сильно, что я поспешно опустил на стул. От кофе прет мощный возбуждающий запах, но мое сердце заколотилось как бешеное без всякого допинга. Зов боевой трубы раздался ближе и громче.

– Ого, – сказал я. – Может быть, подробнее?

– Это мой долг, – ответил он торжественно. – Я счастлив, что первым смогу о вашем великом наследии. И первым сообщаю о вашем великом предназначении... Кстати, у вас будет больше доверия, если примете вот это...

Я взял из его руки небольшую карточку, подумал на визитку, но не визитка, такую же при мне как-то сунули в щель банкомата, а оттуда полезли жабы шкурки.

– И что с нею делать? – спросил я.

– Пользоваться, – ответил он с улыбкой. – У вас неограниченный кредит. Во всяком случае, на этой планете нет столько товара, вы понимаете. Кстати, это не только карточка для получения денег...

Он прервал плавную речь, насторожился, мгновенно превращаясь из серого нотариуса в нечто более профессионально опасное. Чашка с кофе, как я только что заметил, в левой руке, а правая метнулась к заднему карману.

– Что стряслось? – спросил я глупо.

– В коридоре опасность, – произнес он холодным голосом командира десантного батальона. – Лучше не двигайтесь.

– Да что за...

В дверь постучали. Я скривился: за этим стуком обычно следует ехидное напоминание, что газ на кухонной плите не загасил, что свет в ванной не выключил или что кастрюльку передвинул на чужую конфорку, но вроде бы сегодня еще безгрешен, так что любая опасность пока еще не опасность, разве что в коридоре увижу того армянина, но это опасность для него, сразу дам в зубы, а потом пачку в рыло, затем поносить на ботинках...

Индельв прошипел:

– Не открывайте!

Однако я, повинаясь рефлексу, сказал одновременно с ним:

– Войдите!

Дверь робко приоткрылась. Вполглаза заглянула Марья Петровна, лицо умильное, просююкала, кося любопытным глазом на Индельва:

– Володенька, у вас водой газ залило... Я прикрутила, но вы сами там посмотрите...

Я помотал головой:

– Спасибо, Марья Петровна, но у меня ничего нет на кухне.

– Есть, – сказала она настойчиво. – Есть.

– Да нет, – ответил я и осекся.

Индельв уже не сидит, незаметно оказался в двух шагах сбоку. Стоит, как сказали бы знатоки, на линии огня. Руку вытащил из кармана, держит за спиной, я не вижу, что в ней, но по хребту пробежал холодок.

– Вы все же посмотрите, – проворковала Марья Петровна. – Сейчас придет Родик, вы же знаете, какой хай поднимет...

Я начал вставать из-за стола, Индельв сказал мне вдруг:

– Да плюньте на такие мелочи! Я подтверждаю, вы на кухню не ходили. Разливайте кофе, запах отпадный!

Я сделал два шага в сторону, там сахарница, Марья Петровна вдвинулась шире, голос стал совсем сладеньким:

– Володенька, все-таки это ваша кастрюлька... Сходите же!

– Не стоит, – угрюмо сказал Индельв.

– Да ладно, – буркнул я, – всего-то делов. Щас вернусь...

Индельв сказал властно:

– Нет!

В руке Марьи Петровны появился пистолет с широким дулом. Но почти сразу со стороны Индельва донеслось злобное шипение. Через комнату метнулось лиловое пламя. Марью Петровну охватило с ног до головы, словно полупрозрачная медуза облепила ее целиком. Рыхлое тело судорожно дернулось, вспыхнула одежда и тут же погасла, а пистолет в руке Марьи Петровны изрыгнул холодный узкий луч света, похожий на гиперболоидную нить.

Индельв зарычал, костюм вспыхнул и осыпался серыми хлопьями пепла. Вместо знакомого мне мажордома с внешностью нотариуса возник крепкий коренастый человек в облегающем тело костюме, похожем на загерметизированный комбинезон высотного летчика. Пистолет в его руке удлинился до автомата с узким стволом.

– Ага, – произнесла Марья Петровна злым голосом, – зерганин?

– Зертуллин, – отрезал человек, совсем недавно бывший Индельвом. Струя холодного огня пропорола пространство и ударила в пышную грудь Марьи Петровны. – Умри!

– Но не сейчас, – ответила она.

Улыбка исчезла с ее полного рыхлого лица, я вдруг понял, что вся ее рыхлая туша – вовсе не туша, а тугие накачанные мышцы, что умеют принимать вид колышущегося жира. Индельв тоже понял, что-то переключил неувловимым движением большого пальца, струя огня стала яростнее, однако Марья Петровна молниеносным прыжком оказалась перед ним, на ее груди расплывалось красное пятно, словно море кипящей лавы, я успел понять, что это плавится хитиновый бронезилет.

Я отступил еще и еще, пока не уперся дрожащим задом в стену. Они схватились врукопашную, хрип, сип, яростное прерывистое дыхание, могучие удары, от которых разлетались бы бетонные стены, однако Индельв и Марья Петровна лишь вздрагивали, снова и снова наносили страшные удары, наконец схватились и упали, продолжая сражаться. К моим ногам подкатился пистолет-автомат.

Индельв вскрикнул:

– Ваше Высочество, убейте ее...

Марья Петровна проговорила с трудом:

– Володенька, это я вас здесь защищала...

Я держал их на прицеле, в нерешительности переводил ствол с одного на другого. Похоже, слова Марьи Петровны похожи на правду, но в коммуналке она так вжилась в роль, что я ее тихо ненавидел, в то время как Индельв выглядит вполне прилично, к тому же, будучи человеком воспитанным, каждого незнакомого человека считаю хорошим человеком, пока не докажет, что он такая же сволочь, как и все на свете...

Держа оружие обеими руками, кто знает, что за отдача, я прицелился в его затылок. Индельв, как ощутил, простонал:

– Они враги...

Я вскрикнул:

– Но они могли меня убить и раньше!

– Они не были уверены, – ответил он хрипло. – Им надо было, чтобы мы вывели их на след... Убейте ее! И я поведу Ваше Высочество к вершинам власти!

Я в нерешительности перевел ствол на Марию Петровну. Она проговорила умоляюще:

– Я приставлена, чтобы охранять тебя...

– Ни хрена себе, охрана, – возразил я. – Меня эти армяне чуть не задолбали!..

– Это не армяне, – ответила она быстро, совсем не похоже на всегда заторможенную Марию Петровну. – Это нунги! Прикинулись армянами, потому что не могут избавиться от акцента и смуглого цвета кожи. Они пакостили вам, Ваше Величество, пытаясь спровоцировать, проверить на гунгность...

– Че-че?

– Это врожденное, – ответила она, – но упрятано так глубоко, что вы сами в своем врожденном благородстве о нем не догадываетесь... Убейте его, мы сейчас покинем эту планету и вернемся в ваш звездный мир!.. Вы не Светлость, вы – Величество!

Голова закружилась, я в обалделости переводил ствол то на Индельва, то на Марию Петровну, сказал хрипло:

– Вы оба лучше не двигайтесь, я ж нервный, подвержен стрессам и аллергии... Чапаев думать будет. И станьте ближе один к другому, чтобы я обоих держал под прицелом.

Они медленно поднялись, встали рядом, Индельв даже сделал бочком осторожный шаг к Марии Петровне вплотную, глаза его не отрывались от моего лица.

– Ваше Высочество, – проговорил он, – но что бы вы ни думали... но придется выбирать, в кого выпустить пулю. Надо только поставить деление на красную черточку, это означает полное и окончательное...

Я взглянул на Марию Петровну, она нехотя кивнула. Я скосил глаза, скоба неизвестного мне пистолета легко передвинулась на красную черточку.

– Плохо вы знаете землян, – ответил я мрачно, – мы народ, способный находить выход из самых безвыходных ситуаций...

Я кивнул Индельву на Марию Петровну, он понял, провел хитроумный удушающий захват. Она в последний момент страшно напрягла шею и вздула, как кобра, воротник, а я ринулся к дверям. Грохот выметнулся в коридор, толчок о входную дверь, лестничная площадка, лифт приглашающе распахнул двери, а вот хрен тебе, уже знаю, что это за лифт и в какую галактику вдруг закинет, будучи разоблаченным, пронесся кругами по лестнице вниз, прыгая через три ступени.

На первом этаже пахнет травкой, нарки блаженно развалились под стеной с почтовыми ящиками, полуголая девица, не обратили внимания даже на пистолет в моей руке. Я сунул его за пазуху, в куртке внутренние карманы могут спрятать гранатомет, на улице темень и холодный ветер, между домами пусто.

Меня ослепил свет фар, по узкому ущелью между каменных громад неслась машина. Я отпрыгнул, прижался к стене, здесь в Центре между домами так не ездят, тесно, однако машина остановилась, оттуда крикнули:

– Садись!

– Какого... – вскрикнул я, но вспомнил, что сейчас из подъезда может выскочить победивший в схватке, а то и выпалит из своего чертового бластера прямо из окна, распахнул дверь и ввалился на сиденье рядом с водителем, тихим, смирным парнем в чистой, аккуратно выглаженной рубашке и даже с галстуком.

Машина тут же рванула с места на бешеной скорости, вылетела пулей со двора, пронеслась по Козицкому переулку в сторону Тверской. Там «кирпич», как назло, машина с двумя праздными гаишниками, но почему-то никто не обратил внимания, а когда мы проскочили еще дальше, милиционер, регулирующий возле Моссовета, взял под козырек. Все странно, вообще-

то надо бы развернуться у кинотеатра «Россия», иначе нельзя, но эти как-то сумели, погнали не к Маяковке, а к Кремлю.

– Давай к болоту, – произнес бесцветный голос за спиной.

Я, как ужаленный, обернулся. В слабом свете рассмотрел на заднем сиденье двух крепких мужчин в небрежных позах профессионалов, оба в черных костюмах, при тщательно повязанных галстуках, рубашки от пана Труновского, белые платочки от Шваба.

Я повторил тупо:

– К болоту? А где в Москве болото?

– Места знать надо, – ответил один наставительно. – Вдруг там Царевна-лягушка? Перецелуешь пару тысяч жаб, а потом вдруг...

– Рыба начинает гнить с головы, – заметил второй, – а болото – с головастиков.

– В смысле, – спросил первый, – со слишком умных?

– Да, – подтвердил его сосед, – со слишком.

Я спросил дрожащим голосом:

– Что вы предпочитаете: классический балет или шоу «Окна»?

Оба переглянулись, один произнес брезгливо:

– Странный вопрос... Только дебилы смотрят шоу... А почему такой странный вопрос?

– Да так, – ответил я. – Просто поинтересовался.

Как известно, наши носят синие джинсы, короткорукавки с надписью «Make fak, no war», пьют пиво, сморкаются в рукав, а пальцы вытирают о волосы, из-за чего те всегда красиво блестят, в такой красивой укладке от Юдашкина, а гады носят хорошо пошитые костюмы, кожаные плащи, черные шляпы, а еще любят оперу, балет, французский коньяк и всегда безукоризненно выбриты. Я посматривал в зеркало заднего вида, не очень удобно, но уже видно, что оба крепкие и холодные, чистые арийцы, хотя бы один оказался негром, оставалась бы надежда, что замаскированный свой, а так слишком аристократы...

Машина несется на огромной скорости, фонарные столбы слились в серую полосу с длинной яркой лентой света вверху, иногда мимо что-то вжикает, это мы впритирку обгоняем машины, идущие на скорости в двести-триста километров, вот такая у нас Окружная, затем меня прижало к двери, гравитация едва не расплющила в медузу.

ГЛАВА 2

Я вжался в сиденье, стараясь стать как можно мельче, микробистее, в голове рой мыслей, я торопливо старался загнать их в стойло, рассортировать хотя бы как-то. Даже начал загибать пальцы, надо же понять внезапно изменившийся мир, а также свое место в этой неразберихе. Без этого просто невозможно выжить, если не буду понимать, что со мной и что ждать впереди. А опыт... если не мой, то общечеловеческий, говорит, что в любой бессмыслице есть смысл, но он, увы, зрим не нами, что обидно. А если попытаться разобраться хотя бы в азах... Итак, жил я себе и жил, но однажды ко мне приходит... здесь три варианта: старый седой волшебник, измученный и израненный путник или просто странно выглядящий человек... Так, это мы прошли, дальше любой из них говорит: «Ты – избранный!», здесь без вариантов, это уже случилось, потом любой волшебник, путник или странный говорят: беги, а то эти гады уже близко... Все совпало, это я тоже прошел, гады пришли, мой таинственный незнакомец по имени Индельв то ли мертв, то ли все еще прикрывает мое отступление. Или же, напротив, ломает защиту Марьи Петровны, что прикрывает мое отступление.

Я осторожно потер пальцами виски. Дальше какой-то сбой, по смыслу дальше я должен бы встретить либо спутников по дальнейшим приключениям, иначе пойдет без диалогов, а это мучительно во всех смыслах, либо свою единственную любовь... Здесь пока рано ставить галочку на «Уплочено», меня пока что везут почти голого, я вдруг понял смысл высказывания, что без револьвера ковбой чувствует себя голым: всего минуту побыл с пистолетом в руке, ни разу не выстрелил, а каким крутым себя ощутил, как красиво бежал по лестнице, как нагло посмотрел на бомжующих нарков и колхозную девицу, как безрассудно сунулся в машину... Правда, пистолет за пазухой, но как его достать, не получив пулю в затылок?

– Ох и дуб же... – прошептал я.

– Да еще и зеленый, – раздался голос сзади весело, его обладатель демонстрирует знание старых приколов.

Я перевел дух, начал загибать пальцы на другой руке. Если мои умозаключения, несмотря на абсурдность, все же истинны и если каким-то чудом удастся уцелеть, то в дальнейшем пути меня должны будут учить убивать, убивать и убивать. Или колдовать. Нет, все-таки убивать, вид крови от удара мечом куда больше возбуждает, чем молния из пальцев, испепеляющая врага. А еще лучше – удар не мечом, а топором, чтобы кровищи без всяких парентлоков, мозги во все стороны, кишки наружу, вываливаются теплые парующие внутренности, хрипы и сованье задней ногой... Учить будет либо наставник, какой-нибудь мастер восточных единоборств... нет, эти клоуны достали, только самые тупые все еще с пиететом об этом сунь-хунь-в-чайстве, психически нормальные над этим цирком ржут, как брабантские кони. Лучше, если будут учить либо мелкие злодеи, либо все встречаемые. Кто чему может, я не гордый, как и Ницше: чтобы не умереть от жажды – пью из всех стаканов.

Мои пальцы снова стиснули виски, надо успеть все понять, найти свое место, чтобы, как и водится, к середине путешествия стать либо круче наставника, либо круче некуда, но чую холодок беспокойства на загривке не зря: дополз ли уже до той серединки либо еще не дополз? От этого зависит многое: бить или быть битым. А я в глубине своей трусливой души еще тот общечеловек: люблю смотреть по жвачнику, как бьют и даже убивают других, но как-то не по себе, когда бьют меня, драгоценного...

Окружная освещена ярко, да еще гигантские щиты реклам по обе стороны дороги, черное небо с редкими звездами почти исчезло, только сверкающие машины справа и слева, белые, как свечи, фонарные столбы, высокий бетонный бордюры, а когда на скорости съехали по дуге вниз, вскоре по обе стороны замелькало зеленое, изредка сменяясь короткими всплесками голубого. Несемся по загородному шоссе, по обе стороны лесополоса, дорога постепенно сужа-

ется, начала петлять, скорость пришлось сбросить до такой, что я замечал, когда мимо проносятся березняки, когда просто деревья, а впереди начала вырастать вообще темная чаща дремучего леса.

Машина съехала на тропку, пошла уже совсем медленно, переваливаясь с боку на бок, как неторопливая утка. Деревья приблизились, на машину пала тень. Едем как в пещере, с обеих сторон толстые, как скалы, деревья, ветви переплелись, полностью перекрывая доступ к небу. Все молчали, а шофер, что так ни разу и не проронил ни слова, вообще старался не смотреть на меня, предназначенного на корм головастикам.

Деревья уползали за спину все медленнее, наконец остановились. Оба профи выскочили в разные стороны, шофер ткнул мне в бок стволом пистолета:

– Выходи, парень.

В машине стало жарко, хотя кондишен работал, как реактивный самолет. Я вышел, пальцы обожгло о дверь, отступил в великом удивлении: раскалилась до вишневого цвета, с какой же скоростью мы шли, мать моя, умеют же отводить глаза службе дорожного движения.

Из-за горизонта показался алый краешек. Солнце поднимается алое, умытое, отоспавшееся, свеженькое, облака над ним алеют, как пионерские галстуки, но как... как вся ночь, пусть и по-летнему короткая, уместилась в полчаса-час, это же совсем не наши штучки, за такое надо морду бить, это хуже, чем мужиков на верблюдах в пустыне высокоточными вакуумными бомбами...

Оба профи ждали с пистолетами на изготовку. Один сразу же сунул мне руку за пазуху, выудил пистолет и отступил, весело скаля зубы. Я едва вылез, совсем раздавленный и упавший духом. Только что успел побывать герцогом, а Марья Петровна так и вовсе обратилась как к Вашему Величеству, а теперь стану трупом.

– Ну? – сказал я.

– Что «ну»? – удивился один из профи.

– Рассказывай, – велел я. – Кто ты, что ты... И этот, который любит балет. И что вам вообще было заказано, и почему так делаете?

Профи довольно и раскатисто расхохотался. Зубы блестели крупные, белые, сверкающие, по таким хоть кувалдой, даже щербинки не будет. Он поправил рукой галстук, в другой пистолет, черное дуло смотрело мне прямо в лоб.

– Меня зовут Ван, – представился он. – Не Иван, а Ван Тузель. Я кейджианец, а вот это – Ахмед Эминем, он хаурянин. Мы из галактической Лиги Черного Коллапса.

Я кивнул, мог бы даже добавить, что оба не женаты и не собираются жениться, у таких всегда хватает веселых и роскошных подружек, тоже злодеек, конечно, оба работают на русскую мафию, куда ж без нее, а еще оба читают Экклезиаста в оригинале.

– И че вам надо? – спросил я.

Ван Тузель принялся рассказывать... Рассказывал он долго, обстоятельно, с деталями и уводящими в сторону подробностями, все это пролетало мимо моих ушей, я сжимался в комок. Внутри холодело и превращалось в лед, а потом и вовсе трескалось, все напрасно, у меня нет ни малейшей надежды, ну какой дурень явится в эту часть леса, хоть случайно, хоть с целью спасения моей светлости и моего величества, это было бы слишком, как бы долго Ван Тузель ни рассказывал, все равно помощи не будет, надо как-то самому, хоть за гадюку хвататься, не тонуть же...

Я собрался с силами, мы ж земляне, что значит – народ хитрый, мелкий и злобный на трюки, прервал с самой простодушной харей лица:

– Но вас, как я понял, никто не ждет?

Ван Тузель удивился:

– Ты чего так решил?

– Да кто за вас пойдет с такими рожами?

Ван Тузель обиделся, кивнул Ахмеду:

– Покажи ему фотографию своей любимой, а то не поверит.

Ахмед побледнел, затряс головой:

– Нет.

– Да покажи!

– Не стану, – ответил Ахмед твердо. – Я не такой дурак.

Тузель засмеялся:

– Ты что, в приметы веришь?

– В приметы не верю, – огрызнулся Ахмед, – но еще никто, показавший фотографию своей любимой, не вернулся с задания. Такие вообще не доживают до конца задания! Никто и никогда!

– А Кугель дель Рей? – спросил Тузель коварно.

– Кугель был командиром отряда и единственным исполнителем, – отрезал Ахмед. – Он мог себе это позволить, хотя и он страшно рисковал!.. Но я этого делать не стану.

Тузель засмеялся громче:

– Ахмед, вот уж не думал, что ты такой трус! А кто, как не ты, командир отряда? Кто, как не ты, главный? Единственный исполнитель? К тому же ты – бессмертный и неуязвимый!

Ахмед посмотрел на него исподлобья, заколебался. Тузель смотрел с насмешкой. Смуглое лицо Ахмеда потемнело от прилива крови, а может, покраснел от стыда.

– Хорошо, – ответил он неожиданно, – но покажешь и ты!

Тузель поколебался самое короткое мгновение, в глазах промелькнуло нечто непонятное, но выпрямился и сказал мужественным голосом:

– Да.

– На счет раз... два... три!

Оба рывком расстегнули комбинезоны, дрожащие пальцы дернули молнии на левой стороне груди. Одновременно блеснули глянцевые поверхности фотографий. Оба показывали друг другу, потом повернули лицами сторонами в мою сторону.

– Вот, – проговорил Тузель с вызовом. – Моя невеста. Я не боюсь ее показать...

Ахмед прервал:

– А вот моя! Я тоже не боюсь...

– И даже скажешь, – вставил Тузель, – какие у тебя с нею планы на будущее?

Ахмед смертельно побледнел, в глазах страх загнанного в тупик зверя, губы задрожали, однако он выговорил с трудом:

– Мы с нею поженимся... сразу же... как я вернусь с этого задания...

На его лице проступила обреченность. В торжественной тишине заиграл невидимый симфонический оркестр, медленно и печально, даже скорбно, но с понятным наслаждением, я замер, превратившись в слух, где-то выводит мелодию незримый трубач, печально плачут скрипки, высоко-высоко в синем небе красиво исполняют лебеди, последний троллейбус, последний троллейбус...

Раздался выстрел. Ахмед дернулся, прогнулся спиной, словно за шиворот сунули ледышку, взмахнул обеими руками, пытаясь взлететь, но оружия не выпустил. Горящие ненавистью глаза отыскивали меня, я видел, как он поворачивает пистолет в мою сторону, но я стою, как дурак, как русский в фильмах и баймах юсовского производства.

Тузель мгновенно развернулся и трижды выстрелил напарнику в грудь. Ахмед захрипел, задержался, лицо исказило в жуткой отвратительной гримасе. Он все еще пытался поймать меня на мушку, однако прогремели еще два выстрела. Ахмед захрипел в ярости, руку с пистолетом подбросило, он выстрелил... Тузель захрипел и, выронив пистолет, схватился за грудь. Между пальцами хлещут тугие красные струи, я понял, что все-таки парентлоком и не пахнет, это хорошо, крови пусть много, оглянулся, выискивая, куда отступить.

Оба рухнули одновременно, но Тузель с чистым просветленным лицом, а его напарник – с жутким оскалом, с перекошенной в нечеловеческой злобе рожей, отвратительной, мерзкой и ужасной. Из широких дыр в его груди наконец-то брызнули тугие красные струи.

Тузель прохрипел:

– Я... на вашей стороне... Ваше Величество... Скажите Ургану Молибскому, я отдаю долг...

Я подобрал их пистолеты, один сунул за пояс, другой держал в руке. Тузель смотрел на меня с напряжением, я сказал сочувствующе:

– Все передам.

– Да здравствует...

Голос прервался, изо рта хлынула кровь. Он дернулся и застыл.

– Да, – ответил я негромко, – да здравствует. И пусть славится. И все такое...

Послышался треск кустов, словно несся наскипидаренный мамонт. Я выхватил и второй пистолет, листва распахнулась, на поляну выскочила юная женщина в облегающем фигуру комбинезоне. В руках автомат, по ветру стелются длинные красные волосы, она задыхалась от стремительного бега, щеки покраснелись, как вторая алая заря.

– А, граф! – вскрикнула она. – Вы все олайт?

– Да, – ответил я, – все правой. А вы зерг или норг?

Она в удивлении разинула хорошенький ротик:

– Что у вас за фантазии?... Конечно же, я – торкесса! Разве по мне не видно?

Я кивнул, что да, видно, еще как видно, язык сперва прилип к гортани, а потом и вовсе встал колом. Изумительную фигуру торкессы облегает комбинезон словно из настолько тонкой эластичной ткани, что его как бы и нет вовсе. Воротник красиво поднят, оттеняя прекрасную лебединую шею, а спереди расстегнут до пояса, где поблескивает драгоценными камешками узкий ремень с кобурой бластера. Под комбинезоном никакого белья, я задохнулся от нежнейшей снежной белизны ее кожи.

Обе половинки комбинезона оттопырены снежно-белыми холмиками, распирая в стороны, еще чуть – и в меня нацелились бы алые соски, наверняка нежно-алые, вот-вот соскользнут, открывая эти соковища...

Я судорожно вздохнул, она с удивлением смотрела в мое внезапно вспыхнувшее лицо.

– Что с вами?

– Да так, – прохрипел я, не брякнуть же, что раз уж она меня вроде бы спасла, то ей предстоит под занавес отдаться мне, это неизбежно, как движение звезд, – что-то в горло попало... И в глаз... и в сердце...

Она сказала с нетерпением:

– Граф, у нас не так много времени, как вам кажется. Возвращайтесь в машину.

Я судорожно обернулся.

– Там был водитель!

Она отмахнулась.

– Уже нет.

– А... где?

– Там, в траве. Как выпал, так и лежит. Поторопитесь, граф!

Уже третий раз назвала меня графом, это, конечно, поменьше, чем герцог и тем более мое величество, но лучше живой граф, чем мертвый король, я поторопился к машине, спросил только:

– А вы?

– Сяду за руль, конечно.

– Женщина за рулем, – сказал я, но промолчал и про обезьяну с гранатой, и про звезду в небе, и про корову в перьях, и даже про Леночку в бигудях. – Да-да, женщина за рулем!..

– Что вы хотите сказать?

– Что женщина за рулем – это экстрим из экстримов!

Нам пришлось быстро стащить с водительского сиденья молчаливого шофера, пуля пробила голову навывлет, но сгустки запекшейся крови намертво запечатали... хорошее слово «намертво»!... запечатали оба отверстия, на сиденье чисто, водитель задом отполировал до блеска. Торкесса торопливо села за руль, умело включила зажигание, я смотрел с опаской, но она грамотно выжимала нужные педали, переключала скорость, мы выехали из леса на приличной скорости, машину немилосердно потряхивало.

– Выдержит, – сообщила она в ответ на мой опасливый взгляд. – В ней есть кое-какие изменения.

– Ого, машина Джеймса Бонда, – сказал я понимающе. – Тогда мы на коне... А торкесса – это что? Имя или звание? Чин или специальность?.. Кличка, ник, псевдоним, обзывуха, дразнилка?..

Она покосилась на меня сердито, как птица из гнезда.

– Вы в самом деле не знаете?

– Как Бог свят, – сказал я и добавил: – И как я – сама непорочность...

Она проговорила с отвращением:

– Знала бы, что меня отправляют на такую дикую планету, да ни за что бы... Торкесса – это титул!

– Ого, – сказал я. – А это выше или ниже ефрейтора?

Ее глаза вдруг округлились, машина резко вильнула, пошла быстрее, стремительно обгоняя другие. Мы вырвались на Окружную, там торкесса быстро пробила в левый ряд. Неслись на предельной скорости, сигналили фарами тем, что впереди, те видели в зеркальце заднего вида, что догоняет женщина, с испугу шарахались в правый ряд, пугая автомобилистов.

– Что, – спросил я понимающе, – погоня?

– Да, – ответила она зло. – Что за планета...

– Погоня, – пояснил я, – погоня, погоня в крови... Догонишь – не догонишь, зато согреешься.

Она сказала торопливо:

– Догонят! У них машины мощнее.

– Еще бы, – согласился я. – Как же иначе? На всякого Джеймса Бонда найдется этот... который с винтом. Тогда надо трюкачить, вести машину... по-земному. Вы слишком прилично ведете, торкесса. Кстати, имя у вас есть?

– Лиля.

– Лилея, – повторил я, – где-то уже слышал. Неважно, в женском имени должно быть побольше гласных, что-то вроде Аэлита, Гианэя, Меланома или там Медея... Лилея, у нас за нарушения правил не убивают, вы не знали?

– Нет, – огрызнулась она. – То-то эти сволочи ни с чем не считаются!

Окружная простиралась прямая, как луч лазера. Мы неслись не просто на бешеной скорости, а на хрен знает какой, придорожные столбы мелькают, как лапы белок в колесе. Торкесса вертела яростно баранку то вправо, то влево, время от времени с силой нажимала на тормоз, это для динамики, я все понимал и не вмешивался, тем более что автомобиль все равно несется строго прямо, не притормаживая, не дергаясь, как конь под неумелым всадником.

Мы красиво обгоняли машины, играя в шахматку, в зеркальце заднего вида я видел, как позади сталкивались, взрывались, красиво выбрасывая столбы огня, явно все до одного замаскированные бензовозы, по воздуху летят искореженные куски железа, сиденья, колеса, хромированные диски, оторванные руки, ноги, головы, магнитолы. Мы уходили на такой скорости, что вдогонку разве что пару раз пахнуло бензиновым теплом, да еще я ощутил приятный запах горелой резины.

- Переходи в крайний правый ряд! – крикнул я.
- Зачем?
- Там поворот на Волоколамку!

Она послушно начала перестраиваться, нам боязливо уступали дорогу даже могучие МАЗы и КамАЗы, ибо женщина за рулем – это шахид на задании. На крайнюю полосу успели как раз вовремя, чтобы уйти на поворот. Машина хорошо держится колесами за асфальт, на скорости сто восемьдесят любой съезд с Окружной кажется слишком крутым. На Волоколамке тоже перестроились в левый крайний, гнали до тех пор, пока далеко впереди не вспыхнул красный огонек светофора.

Я ощутил, как она начала притормаживать, вскрикнул в негодовании:

- Разве мы не джигиты?

Она покосилась, фыркнула, но вдавила педаль газа. Обгоняя машины, мы пронеслись, как снаряд, и успели проскочить перед лавиной автомобилей, у которых при виде нас задрожали тормоза и подкрылки. Я успел увидеть в зеркальце заднего вида, что там началось бронуновское движение, а потом в хаотичный поток врезались две дорогие машины, наивные пытались проскочить вслед за нами...

Торкесса вцепилась в руль, серьезная, с закушенной губой, глаза как блюдца. Мимо проносятся столбы, по колесам иногда чиркает бордюрный камень. На следующем перекрестке, где мы снова проджигитили, за спиной опять грохот, лязг, взрывы, взлетели огненные столбы и даже огненные грибы. Подобные ядерным взрывам, они выросли и дальше, дальше, дальше по всему нашему пути. Перепуганные автомобилисты налетали друг на друга, их машины взметывало, как горящие листья, уже в воздухе сталкиваются, взрываются и горят так, словно каждая являлась бензовозом для стратегического бомбардировщика.

Оглянувшись, я увидел, как сзади хорошо расшибаются и горят мощные машины с шестиконечными звездами на дверцах, крепкие мужички в темной форме вылетают через лобовые стекла, кувыркаются, но ни один не уронил шляпу с лихо загнутыми полями, и тут же, присев на корточки и крепко-крепко держа пистолет обеими руками, начинают палить нам вдогонку.

- Не останавливайся! – прокричал я. – Ни хрена, это все маскировка!

- Но это же власть, мы обязаны...

– Ни хрена, – повторил я зло, – это они размечтались, что вот прямо сейчас в позу пьющего оленя! Сперва у себя чернокожих негров афро-американского происхождения пусть поставят! Ишь, богобоязненный народ нашли... Дави, дави!

Впереди на перекрестке торопливо перегораживали улицу полицейскими машинами с теми же проклятыми шестиконечными звездами. Торкесса по моему воплю вдавила педаль газа до отказа, авто взревел и почти взлетел в воздух. Широкошляпый народ широкозадо бросился врассыпную. Последовал страшный скрежещущий удар, нас сильно потрянуло, мы взлетели в воздух. Я видел бледное от ужаса лицо торкессы, она сжимала баранку и бешено вертела ее из стороны в сторону, хотя мы летели по воздуху.

Удар колесами об асфальтовое покрытие, я прикусил язык, в глазах от боли стало лиловым.

- Что теперь?

Сквозь лиловую тьму в глазах я прохрипел, едва двигая прикушенным языком:

– Гони... до ближайшего перекрестка... Потом плюй на правила, сверни и гони проходными дворами.

- А что это?

Лиловость рассеялась, я старался как можно быстрее сообразить, кто я и в какой роли. Если во вспомогательной, то все равно рано или поздно прибьют, а если повезло оказаться в главной, то... в главной знаю, как себя вести, уже тысячи раз и машины гонял по Формуле-1,

и мрачные водосточные сооружения очищал с BFG в мускулистых руках, и русских свиней мочил в джунглях Вьетнама, в Питере и на всех секретных базах, это совсем легко, так что сейчас от меня требуется только наглая морда и выпяченная челюсть, да еще надо постоянно помнить, что я не интеллигентик какой-то сраный, такие не выживают, а крутой мэн, настоящий мачо, который сперва стреляет, а потом задает квешэны...

Я сказал тем же деревянным, быстро распухающим языком:

– Лезь на мое место. Я сяду за руль.

Она спросила быстро:

– А ты можешь водить машину?

– Могу же водить самолет? – спросил я. Подумав, добавил: – Как и вертолет, катер, крылатую ракету... Уверен, что и звездолет – раз плюнуть и растереть задней ногой.

– Какой... задней?

– Да любой, – ответил я лихо. – Одной из.

Она колебалась, машина несется на большой скорости, мы продолжаем обгонять законопослушных, я начал перелезать на ее место, торкесса до последнего момента не выпускала руль, хотя я уже взялся одной рукой, а другой помогал ей перебраться на мое место. Дело трудное, это такой экстрим, что копулироваться в таком положении проще, чем мягко и не сбавляя скорости передать руль и педали. Ее тело оказалось упругим и жарким, мое тоже стало совсем огненным и упругим, хоть и не все, Творец ведь дал крови мужчинам сами знаете сколько, мы сопели, часто дышали, из обгоняемых нами машин одобрительно кричали и показывали мне большой палец кверху.

В какое-то время ее длинная красивая нога торчала из открытого окна, в соседних машинах едва с ума не посходили, пытаясь рассмотреть, как мы это проделываем, таким образом они создали нам щит, через который не пробиться никаким преследователям, а когда наконец со вздохами облегчения, часто дыша, вспотевшие, мы расцепились, я уже сидел за рулем, а торкесса в изнеможении откинулась на соседнем сиденье.

– Как вы могли... – прошептала она с негодованием, – как вы могли... Я девственница!

– Все исправимо, – ответил я бодро и бросил машину в крутой поворот, едва-едва проскочив перед капотом огромного грузовика.

Справа и слева выросли дома, мы ворвались во двор жилого дома, я направил напрямик, там детская площадка и место для выгула собак, на площадке ребенок копается в песочке, а на отведенном для собак жалком пятачке весело гонятся друг за другом две шавки и один веселый боксерчик.

Торкесса вскрикнула, когда я резко крутнул руль.

– Там же ребенок!

– А там собаки, – огрызнулся я. – Тебе кого жальче?

Ребенок поднял голову навстречу мчащемуся на него автомобилю, встал и улыбнулся нам беззубым ртом. В одной руке синее ведерко с цветочками, в другой – совочек. Я не сбавил скорости, ибо мы – на стороне Добра, до сих пор никого из случайных прохожих не задавили, даже не стукнули, так что и ребенок уцелеет: то ли в последний момент упадет в сторону, то ли нас занесет на повороте, то ли мы проедем над ним, у нас высокий клиренс...

Машину тряхнуло. В зеркало заднего вида я успел увидеть красный раздавленный комок в широкой красной луже. Ладно, их шесть миллиардов, одним больше, другим меньше, сейчас счет идет на миллионы человеческих жизней, сейчас все – солдаты, и не фига обращать внимание на всяких там по дороге, мелкие накладки бывают даже в самых благородных делах. Как, к примеру, досадная неприятность стряслась с построением коммунизма в отдельно взятой стране, или вот Ирак раздрызгнули, не глядя на слезинки ни в чем не повинных ребенков... Понятно, что теперь построим сразу везде и сразу как только.

– Что ты делаешь? – спросила она с ужасом.

– Твои взгляды устарели, – ответил я сухо.

– Насчет чего?

– Насчет слезинки невинного ребенка. Держись крепче, ду... торкесса!

На выезде с площадки с разгону сбили карусель, расписной домик и детские качели. Мужики, что сидели там с кружками пива, разбежались с несвойственной трем медведям прытью. Машину тряхнуло, снизу заскрежетало.

ГЛАВА 3

Я круто вывернул руль, между домами проскочили на двух колесах. На тротуаре сшибли столик летнего кафе, чиркнули крышей по проводам высокого напряжения, проскочили через павильончик летнего кафе, сшибая столики и легкие стулья. Праздничный народ врассыпную, на ветровое стекло плеснули тонконогие фужеры с разноцветными коктейлями и, что намного хуже, полетели жирные пирожные.

– Святой космос! – прокричала она в страхе. – Стекло залепило!

– Это новый вид услуг, – успокоил я.

– Какой?

– Пицца в автомобиль! Со всей дури в лобовое стекло.

Она оглянулась.

– Так мы ж не заплатили?

– Ничего, – пообещал я зловеще, – я должок ему верну кому-нибудь другому. За мной не заржавеет!

– Остановись, – закричала она отчаянно, – ничего не видно, мы сейчас ударимся в стену!

– Дура, все очистится.

– Как?

– Еще ни одной водоразборной колонки не сбили, – напомнил я. – В этом районе.

Хрясь, машину тряхнуло, сильная струя воды ударила в машину, смыла с ветрового стекла остатки пирожных, омыло лучше, чем в любой платной мойке, мы понеслись вдоль стены, сгоняя кричащих прохожих на проезжую часть улицы.

– А сейчас куда гонишь?

– На холмы! – крикнул я. – На любую дорогу, где можно бы подпрыгивать с машиной...

– Зачем?

– Чтобы крышей чиркнуло по проводам, – объяснил я.

– Зачем?

– Не знаю! – крикнул я затравленно. – Просто знаю, что без этого хрен что получится. Это обязательно, как и сбивание столиков летнего кафе, тележки с мороженщиком и пустых картонных ящиков!

Холмы отыскались на пересечении улиц Кириченко и Джуганин. По крыше чиркнуло дважды, я решил, что этого хватит, торкесса вскрикивала и хваталась обеими руками за все, за что удавалось ухватиться. Высокая грудь красиво подпрыгивала, а потом долго колыхалась, и девять десятых бешеной погони я косился на это колыхание, у меня самого все колыхалось в сердце, хотя в остальном я тверд, как убежденный виагровец.

Впереди показался огромный базар, я выругался в бессилии: опять указание Лужкова о переносе местных власти проигнорировали, я рассчитывал на пустыню с одиноким слоном, а здесь...

– Крепче держись! – прокричал я.

– Зачем...

Народ с криками ринулся в стороны. Мы неслись, как на бронетранспортере, сбивая палатки, сметая лотки, пугая верблюдов. Один плюнул в меня, но промахнулся и попал в лобовое стекло машины, что отважно ринулась за нами. Я успел увидеть в зеркало, что липкая зеленая слюна залепила все лобовое стекло, тут же донесся страшный треск сминаемого металла, звон бьющегося стекла. Нас догнала волна огня, дыма и жара, будто за спиной снова взорвался бензовоз.

Когда удалось проскочить весь базар, сразу три машины пытались взять в клещи: две легковые по бокам и страшный грузовик за спиной. Мы мчались, бодаясь боками, от Волоколамки

до Мытищ, и, как водится, ни одной машины ни по встречной полосе, ни по нашей. Въехали на мост, там все и решилось. Словом, все три, проломив ограду, нырнули вниз, а мы вылетели на Воздвиженку, ухитрившись нарушить абсолютно все сто сорок правил дорожного движения.

Впереди выросло старинное красивое здание, но перед ним впритирку сотни дорогих автомобилей, без малейшего просвета, дальше, дальше, палец не просунуть, еще могу себе представить, как ставят машины, но как вылезают, разве что через люки в крышах, гнал дальше, торкесса спросила слабым голосом:

- А ты знаешь, какое здание нам нужно?
- Пока нет.
- Но как же...
- Увидим, – пообещал я. – Мы все увидим, детка!
- Не смейте называть меня деткой! – вскрикнула она. – Я торкесса!
- А я...

Тормоз, рывок, левый поворот, я бросил машину к огромному массивному зданию старинной кладки. Такие же, впрочем, справа и слева, но перед этим – абсолютно нет автомобилей, что и есть зловещий и одновременно обнадеживающий признак. Не только в самом Центре, но даже в пределах Садового кольца через какие только муки и унижения приходится пройти, чтобы отыскать пяточок для парковки, но в подобных случаях всегда находится свободное место для парковки, даже если здесь не только самый что ни есть центр мегаполиса, Старого Города, куда въезд вообще запрещен, да еще по случаю инаугурации президента, а хоть секретная база дружественных нам американокитайцев.

На скорости в сто девяносто подлетели к бровке, машина, взвизгнув тормозами, остановилась. Все четыре дверки с щелчком оттопырились, как надкрылья жука. Торкесса пыталась отстегнуть ремень и не могла ватными руками. Глаза ее были ошалелые, на меня смотрела с испугом.

- Куда теперь? – спросила она слабым голосом.
- Женщина, не спрашивай, – ответил я строго, потому что сам не знал. – Спинной мозг подскажет. Отстегни ремень и... вперед, Фатима!

Она остановилась в изумлении:

- Откуда ты знаешь одно из моих имен?
- Я их все знаю, – ответил я бодро. – Не отставай, тонконогая!.. Оружие оставь.
- Но...
- Я знаю, что я делаю, – заверил я веско.

Я вышел, захлопнул дверцу, чувство надвигающейся опасности заставило резко обернуться. Я успел увидеть стремительно надвигающееся тупорылое стальное чудовище, огромные колеса в мой рост, далеко вверху за стеклом перекошенное в страхе лицо, взвизгнули тормоза, страшный удар сбил меня с ног, невероятная тяжесть расплющила, вмяла, размазала по земле, я остался вмятый в асфальт. Сквозь грохот крови в ушах услышал топот ее каблукчиков, торкесса наконец выбралась, обогнула машину с другой стороны и бежала ко мне с развевающимися волосами и божественным испугом в глазах.

- Ты все о'кей? – закричала она издали.

Я не смог ответить, она подбежала, упала рядом на колени, ее глаза смотрят с такой надеждой, что я прохрипел разможенным горлом, нельзя перед красивой женщиной выглядеть раздавленным:

- Все о'кей... и даже йес.

Она посмотрела странно, я вспомнил, что «йес» кричат в другом случае, совсем в другом, эдак заподозрит во мне перверсиста новой формации, да ладно, сейчас они да негры более равноправны, чем другие, я с трудом поднялся, она тут же вскочила на ноги, на щеках румянец, с той стороны доносится неясный гул.

– В здание, – велел я хриплым голосом.

Дверь тяжелая, массивная, как плита из египетской гробницы, подалась очень уж нехотя под моим напором, так выполняет приказы дембель за неделю до приказа. Мы ввалились в просторный мрачный холл, всюду старинное и чопорное убранство, пахнет викторианской Англией и мамелюками. На стенах крупные портреты в тяжелых рамах из темного дерева. Ряд толстых колонн, украшенных барельефами, под дальней стеной вверх ведут покрытые ковром зловеще красного цвета ступени. Из стен торчат массивные, но с большим вкусом смануфактурные светильники, прекрасная имитация старины, даже огонь колыхается почти настоящий, по стене трехмерные тени, явно поддерживается и антиальястинг.

– Теперь куда? – спросила она испуганно.

– Наверх, – ответил я, а что еще мог ответить, – бегом.

Она бежала по ступенькам грациозно, я засмотрелся на ее красиво подпрыгивающую грудь, это же надо так гармонично, так сногшибательно. Обычно красиво – это когда бегут вниз или хотя бы по ровной, а она ухитрилась бежать красиво вверх, даже не представляю, как ее сиськи будут подпрыгивать, когда по этим же ступенькам вниз...

На третьем этаже мы выбежали на середину холла, я ощутил себя одиноким и незащищенным в таком огромном пустом помещении, вдруг сверху прогремел страшный обрекающий голос:

– Стоять!.. Вы пришли!

Я остановился, держа за руку торкессу. Наверху с пулеметом в руках массивный человек в черном, с прекрасно подобранным галстуком, в черной шляпе... нет, даже не в шляпе, это цилиндр, что означает более высокую ступень в иерархии. Он саркастически улыбался, ствол автомата смотрит в нашу сторону, человек же произнес:

– Ну что же, принц Галактики, вы пришли туда, куда мы вас позвали!.. Как просто манипулировать примитивными существами!

Я сказал торкессе тихо:

– Бежишь по моему сигналу... Эй, парень, ты не учел одну простую вещь!

Он спросил настороженно:

– Какую?

– Ты не учел, – сказал я отдельно и подпустил в свой голос триумфа, – того, кто подошел к тебе сзади... Бей!

Он в испуге подпрыгнул, развернулся и тут же нажал на спусковую скобу. Пулемет затрясло, стальной поток пуль крошил бетонную стену за его спиной. Я толкнул торкессу в одну сторону, сам побежал в другую. Когда идиот в цилиндре опомнился и повернулся к нам, мы уже исчезали в противоположных дверях. Он с проклятием выпустил пару бесполезных очередей, в самом деле бесполезных, ибо заколебался было, по кому стрелять первым, а ведь известно, что за двумя зайцами погонишься, от обоих по морде схлопочешь. Или от лесника.

Я, вбежав в проход, неся по нему до тех пор, пока он, изогнутый как дуга, не привел меня к скорчившейся возле двери торкессе.

– Не ранена? – спросил я.

Она не успела ответить, громко и страшно загрохотали пули о створку двери. Некоторые рикошетом влетали к нам в коридор, свистели и высекали борозды в бетонной стене. На головы сыпалась крошка. Я покосился на торкессу, в голову пришла трезвая и здравая мысль, что если я герцог звездного королевства, кроме того, еще Ваше Величество чего-то непонятного пока и, как сейчас вот узнал, еще и принц галактической империи, то все должно случиться вот так...

– Сиди здесь, – велел я, – не двигайся. Я сейчас пробегу на второй этаж...

Она ахнула:

– Ваше Графство! Под пулями?

– Молчи, – велел я. – Я пробегу на второй этаж, там за дверью один из... из этих. Оглушу дверью, пробегу по коридору и уничтожу еще троих. Огонь прекратится, я пробегу на самый верх, прибью еще троих. Беги следом и подбери оружие. Когда поднимешься наверх, окажемся уже на крыше. Оттуда сможем по другой стороне стены...

– А лифт?

– Лифт не работает, – ответил я. – По веревке будем спускаться как можно быстрее, ибо перетрется о край в самый последний момент...

Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами:

– Да вы... вы зрите будущее?

– Зрю, – ответил я сухо. – Все запомнила?

– Да, но... – промямлила она. – Может быть, выбрать веревку потолще?

– Хоть стальной канат, – отрезал я, – все равно перетрется.

– Почему?

Я огрызнулся:

– Откуда я знаю? Закон такой... наверное. Все запомнила?

Я выскочил и побежал по галерее. Господин в цилиндре сразу открыл ураганный огонь, но из узи еще никогда не убивали, это чисто декоративные автоматки, игрушечные, гораздо больше меня беспокоят парни, засевающие на втором этаже, что непрерывно поливают свинцовым огнем из калашей, а это серьезное оружие, точное и даже прицельное. Пули стучат по тонким прутьям решетки, по перилам, выбивают выемки в стене, на меня обрушилась бетонная крошка. Металлические пули с визгом носились взад-вперед, многократно рикошетили, я на бегу инстинктивно закрывался руками и пригибался, хотя это замедлило бег в десять раз.

На втором этаже засели трое, я их смел на бегу. Четвертый вышел навстречу из-за угла, его глаза широко распахнулись, увидев летящий кулак, да так и застыл. Хруст черепа, всхлип, обломки костей впилась в мозг, а я побежал дальше. Винтовая лестница, казалось, ввинчивается через все здание, у каждой ниши черный зад, в смысле – одетые в черное люди с автоматами в руках высывались до пояса, чтобы разглядеть, что же там внизу.

Я заморился сбрасывать их, наконец научился так поддавать ногой в причинное место, что они со свинячьим всхлипом выпархивали, раскинув руки, сами. Двое утащили оружие с собой, я подосадовал: торкесса не поверит, что я обезвредил на двух больше, чем она увидит.

Где-то на уровне пятого этажа меня вынесло в огромный зал, больше похожий на ангар для атомных бомбардировщиков подземного базирования. Множество исполинских станков неизвестной конструкции, очень похоже на заброшенный сталелитейный завод с устаревшим оборудованием, которое проще бросить, чем модернизировать. Сердце мое сжалось, такие заводы мне всегда очень не нравились...

...и, словно чтобы оправдать мои худшие опасения, я услышал грохот выстрелов. Осторожно выглянув, увидел бешено поливающих друг друга огнем из автоматических пистолетов, из автоматов, пулеметов желтолицых и узкоглазых людей с зелеными повязками на головах. Я ожидал услышать знакомое «Аллах акбар!», у нас уже такая реакция на зеленое: либо гринписец, либо моджахед, но там черными иероглифами было написано: «Триада», а на других просто: «Японская якудза».

Громыкнуло, через полумрак пронеслась огненная стрела, рассыпая искры, словно пролетел Змей Горыныч. Бабахнуло, в бетонной стене появилась черная дыра, я увидел тусклые звезды, возможно, это и есть соседняя Вселенная. В ответ тоже бабахнули сразу из двух гранатометов, донеслись крики:

– Банзай!

– Слава Хирохито!

– Дэ ты бачив, щоб японци здавались?

Я осторожно пробирался вдоль стены, стараясь не привлекать внимания. В другом конце цеха молча и красиво дрались банды, презирающие огнестрельное оружие, как дело рук слабых и трусливых. Я только и видел мелькающие конечности, слышал частые хлопки, словно шелест лопастей вентилятора. Время от времени кто-то из последних сил взбегал по стене, в красивом кувырке приземлялся на задние ноги, иногда прямо на голову услужливо застывшего противника, иногда в изящно-балетной стойке на пол.

Только бы не появилась эта красивая, мелькнуло в черепе, как ее, торкесса. Она ж ни черта не понимает в наших сложностях, это мы в своей стихии, у нас уже налаженные алгоритмы, у нас все понятно, угадываемо, весомо, грубо, зримо, как этот вот водопровод, сработанный еще при старой власти...

Я прокрался, прячась за мастодонтовыми конструкциями, ближе к металлической двери, и почти сразу послышался перестук каблучков. Торкесса бежала со всех ног, красивая и раскрасневшаяся, волнуясь грудью. Я приложил палец к губам, она всмотрелась, вскрикнула:

– Да как вы смеете предлагать мне такое? Мы с вами едва знакомы!

– Но я... – пробормотал я обалдело.

– Вы просто хам! Дикий и невоспитанный варвар! И хотя это вас в какой-то мере оправдывает...

Я прошипел:

– Да тихо вы! Разве торкессы так вопят?

– А в чем дело?

– Если изволите умолкнуть на миг, – объяснил я, – я услышу, затихла ли канонада. Нам нужно на крышу. Туда можно по лесенке, вон она, пожарная, а можно и на лифте. Правда, грузовом.

Она обиженно умолкла, тяжелый грохот стал слышнее. Я потихоньку выглянул из-за угла. Впереди некий цех, похожий на металлодобывающий, вдоль стен огромные мастодонтовые конструкции из монолитного металла, а третий ряд станков, больше похожих на искалеченных мегароботов, тянется посередине. Вдали внезапно озарилось ярко-красным. Из непомерно толстого и высокого цилиндра со зловещим шипением хлынула струя расплавленного металла. По стенам полыхнул зловещий багровый свет выплеснувшейся крови, к нам докатилась шелестящая волна горячего сухого воздуха.

– Попробуем пробраться, – сказал я, – на той стороне должен быть выход.

– Откуда знаешь?

– Дык я ж был литейщиком, – пояснил я гордо.

– В самом деле, Ваше Графство?

Я кивнул, вздохнул:

– Кем я только не был... Пошли.

Крадучись мы перебежали от одной исполинской конструкции к другой. От железа тянет жаром смерти, все-таки дерево изначально человечнее, недаром же все разборки переносятся в такие вот цеха, чтобы горячие головы взментили о морэ и, может быть, передумали, все-таки численность населения нашей страны и так сокращается, самое время, как патриоты, мэйк лав, нот во.

Огненная струя, что издали выглядела струйкой, вблизи оказалась настоящей рекой расплавленного металла, грозно ревущей и пенящейся, по красивой дуге ниспадающей из короткого широкого желоба в исполинский ковш. Сам ковш в глубокой яме, края ковша на полметра над полом, так что, если споткнуться... впрочем, такая волна жара отшвырнет любого споткнувшегося.

К ковшу подъехал на ветхой платформе изъеденный ржавчиной цилиндр. Оттуда, скрипя шарнирами, выдвинулся рычаг манипулятора, зачерпнул металлическим стаканом расплав, втянул в грудь, а на верхней части возникли на табло и замелькали, быстро сменяясь, цифры.

Автоматический анализ, понял я, проба на углеродистость. А мы по старинке ковшиком на длинной ручке! Обжигались, а потом бегом несли плещущий металл в лабораторию на другом этаже... И так несколько раз за смену!

– Хорошо теперь здесь работать, – прошептал я. – Просто рай...

Торкесса шумно дрожала, ее хорошенькая мордочка от обилия огромных древних механизмов выглядела подавленной, в глазах страх.

– Как вы можете так шутить...

– Какие шутки, – сказал я с завистью. – Видела бы ты, как в таких цехах работали раньше! А то и сейчас... на Украине какой-нибудь.

Мы начали огибать мартеновскую печь, толстая стена вздрагивала, я покосился на бледное лицо торкессы с вытаращенными глазами, она представляет море расплавленного металла по ту сторону этой обшивки, обложенной огнеупорным кирпичом, что вообще-то быстро прогорает, растекается сосульками.

Я зябко передернул плечами, тоже довоображался, сказал бодро:

– Как только добежим...

Поперхнулся, в дальнем светлом проеме выхода возникли человеческие фигуры. Трое, четверо, нет, уже восемь человек... В руках автоматы, пистолеты и гранаты на поясах, а за плечами гранатометы и стингеры.

– Это зорги... – прошептала она обреченно.

– А не братки?

– Какие братки? – переспросила она.

– Солнцевские или долгопрудненские, – ответил я раздраженно, – какая разница?

– Я таких систем не знаю, – прошептала она. – В нашей Галактике...

– Да ваша Галактика на задворках, – буркнул я, – если там о солнцевских не слыхали.

А Люберцы так ваще... Правда, их время прошло...

Вошедшие шли медленно, не спеша, заглядывали во все закоулки. Мы затаились, как мыши, я лихорадочно продумывал все варианты, но против лома нет приема, кроме другого лома, а это значит, что мы должны быть по меньшей мере в штурмовом танке, да и то бабка надвое поплевала: у троих из них в руках как раз противотанковые ракеты.

Подходили все ближе, я опустил ладонь на голову торкессы и придавил чуточку, золотой блеск волос может выдать, она затихла. В непрерывном тяжелом шуме огромного литейного цеха я отчетливо слышал обрекающие шаги, сопение всех восьмерых. Один непрерывно чавкает, пуская пузыри чуингам, этому предназначено погибнуть первым, или я вообще последний дурак и ни черта в этом мире, именно в этом, не понимаю...

Я напрягся, готовясь выскочить, пропадать так с музыкой, но они остановились в двух шагах от нас, долго смотрели поверх наших голов, тянули напряженную паузу, наконец один произнес с явной досадой:

– Да нет их здесь, босс.

– Должны быть, – ответил тот, что в середине, не признать в нем босса трудно: красивый и элегантный, в черном плаще и модной шляпе, этакий скупающий эстет-аристократ, в то время как все остальные – типичные наемники-профессионалы. – Нам сообщили, что ловушка для них расставлена именно здесь...

– У них не хватило ума, – подал голос второй, – добраться до этой ловушки.

– Им бы че-нибудь попроще, – добавил третий, – а не циркачку...

Они постояли, озирая остальные две трети исполинского цеха, никому в этот ад идти не хочется. Еще одна мартеновская печь начала выдавать продукцию, то есть в стене толстой металлической башни образовалась огненная дыра, бурным потоком хлынул расплавленный до легкости спирта тяжелый металл, пронесся по желобу и жутким и прекрасным водопадом

низвергся в подставленный ковш. Выметнулись, как при салюте, мириады огненных искр, взлетели до самого свода. Если хоть одна такая искорка попадет на плащ или шляпу...

Босс передернул плечами:

– Мерзость какая... В самом деле, кто сюда придет? Разве что на альтернативную службу... Уходим.

Я едва сдерживал дыхание, торкесса вообще затихла, будто сомлела, а они начали медленно, очень медленно поворачиваться, теперь ведь, когда уходят, можно и продемонстрировать, что, если бы не приказ, все бы здесь перевернули, в каждую мышиную норку заглянули, даже в ковше бы пошарили голыми руками, а так вот подчиняются приказу, уходят, уходят, уходят...

Удалялись по направлению к распахнутым воротам с ленивой грацией наемников, которым все до Фаберже. Я молил судьбу, чтобы двигались побыстрее, ну что это как будто через плотную воду, даже через густой клей, мухи какие-то осенние, а не киногерои, им только за ленивцами наблюдать да ослабленных улиток ловить, горячие эстонские парни...

Но удаляются, удаляются, вот уже в распахнутых воротах их охватил солнечный свет, наполовину скрыл, окружив ореолом благородных героев, светлым сиянием тех, кому подражают, на кого стараются быть похожими все, у кого только одна извилина, да и та между ягодицами, а таких, естественно, большинство, так что это герои масс.

Они исчезали, а тем временем из мартеновской печи огненная струя начала иссякать, к ковшу подъехала тележка, механическая рука взяла пробу, цилиндр выждал, когда прекратится мелькание цифр, послышалось тихое жужжание, из прорези выполз листок бумаги формата А-4. Мы все еще сидим пригнувшись, почти рядом, тележка подъехала к нам, длинная рука протянула в нашу сторону листок с длинными рядами цифр.

Я попытался попятиться, но зад уперся в теплую стену из металла. Торкесса чему-то вздохнула, а я с ужасом смотрел, как рука все удлиняется, похожая на составное удилище, наконец гулкий металлический голос проговорил отчетливо:

– Рапортую о наличии в пробе металла повышенной окиси нитратов...

Я не смотрел на робота, все внимание на громилах, что почти исчезли в потоках солнечного света. Нет, не все исчезли, один еще виден, хорошо бы тот, который постоянно жует, у него не только мозги, но и уши заплыли.

Я делал идиоту-роботу ужасные гримасы, чтобы отстал от нас, я хоть и царь природы, но не хозяин этого завода... вернее, я выше, так как царь природы, а ты вали всего лишь к хозяйчику, предпринимателю, буржую, новому русскому.

Робот повторил гулким басом откровенного дурака:

– Нитратов на две сотых процента больше нормы... Как прикажете поступить, масса?

– Да пошел ты, дурак, – прошипел я в бессилии. – Умолкни!

Робот повторил громко:

– Приказа не понял. «Да пошел ты, дурак» нет в моем словарном запасе, господин мистер масса...

– Пошел вон, – сказал я отчетливо. – Принимай плавку, понял?

– Понял, – произнес он гулким металлическим голосом, что наполнил весь мартеновский цех. – Под вашу ответственность, босс! Позвольте вашу подпись...

– Черт бы тебя побрал, – выругался я. – Давай быстрее ручку!

Тележка качнулась взад-вперед, мне почудилось, что робот вот-вот похлопает манипуляторами по бокам, но он лишь промямлил:

– Но... ручка... ручка всегда... А была же...

В дверном проеме рядом с первой фигурой возникли еще две, потом еще. Трое шагнули вперед, прислушиваясь. Оружие у всех на изготовку, я развернулся, спихнув голову торкессы,

не задохнулась бы, я все это время прижимал ее лицом к своему животу... в его нижней части, попятился вдоль стены, торкессу ухватил за руку.

– Уходим, уходим!

Робот воззвал вдогонку голосом протестантского пастора:

– Но... как же без подписи? Это нельзя, это нарушение!

– Теперь все можно, – огрызнулся я. – А ты... получи подпись вон с тех, что идут сюда.

К счастью, все восьмеро в самом деле идут, а не бегут, пальцы на спусковых скобах, глаза обшаривают каждое удобное место, где может затаиться хотя бы хомяк размером с мышью-полевку. Идут красиво, картинно выпячивая мускулатуру, мачо на маче, еще малость, и можно принимать в любера, только еще клетчатые штаны бы всем...

ГЛАВА 4

Мы отбегали, прячась за массивными станинами, конструкциями, ковшами, старыми и новыми, которые еще не успели облепить изнутри огнеупорной глиной. Цех кажется бесконечным, куда там подземным ангарам со взлетными полосами, именно здесь видишь размах индустриальной эпохи, бесшабашную удаль и пофигизм человека огня и металла, которому все эти зеленые пингвины до одного, а то и до другого места...

Торкесса тоненько вскрикнула. Я проследил взглядом, похолодел, несмотря на жаркий сухой воздух. С этой стороны ворота замурованы, вход только с той стороны. Вот почему те идут очень неторопливо.

– Да, – согласился я, – зажали нас... Впрочем, из любого положения есть по меньшей мере два выхода.

– Из любого? – переспросила она с недоверием.

– Из любого, – заверил я. – Даже если сожрут нас заживо, и то у нас два выхода...

Она нахмурилась, стараясь понять, как же это, а я провел рукой по щеке, ладонь укололо щетиной. В задумчивости помял подбородок, не брился уже три дня, но достаточно ли для небритого героя? Рискованно, если отросла недостаточно, могу не успеть пробежать под выстрелами от сарая и до обеда, а если щетина как минимум двухнедельной давности, то я гарантированно смогу стрелять с двух рук и ни разу не промахнуться. Да, а потом, когда закончатся патроны, а врагов станет почему-то еще больше, я посмотрю на пистолеты с недоумением, помедлю, а потом с проклятием швырну под ноги. И побегу. Побегу, пригибая голову и закрываясь от пуль руками и локтями.

Взглянул вверх, туда тянется железная лесенка, видно всю насквозь, как скелет динозавра. Там, на верхотуре, еще один этаж, для шихтовщиков и завальщиков, а оттуда, может быть, удастся еще куда-нибудь. Здесь же точно никуда не удастся. Или точно – куда...

Я еще раз пощупал щетину. Знал бы, неделю бы не брился, а так я полуинтеллигент-полугерой, что весьма чревато боком. По крайней мере, рискованно.

– Сиди здесь, – велел я.

– А ты?

– Побегу наверх, – объяснил я. – А потом промчусь на ту сторону. Они тоже побегут здесь снизу, а ты тем временем как можно быстрее по этой же лесенке. Я постараюсь увести их как можно дальше, но особо на это не рассчитывай, карабкайся быстрее, а то заснешь на ходу... Что-то ты какая-то поэтическая!

Она вспыхнула, но я надавил на ее плечо, выскочил и побежал к лесенке. Меня заметили не сразу, я старался держаться за мартеновской печью, но с десятой или двадцатой ступеньки меня узрели, заорали, побежали толпой, как бараны, лишь потом открыли ураганный огонь. Лестница наполнилась металлическим грохотом, звяканьем, лязгом, жужжанием. Везде сверкают искры, словно с обшивкой космического корабля сталкиваются мелкие метеориты, я несся через три ступеньки, закрываясь от пуль локтями, руками, ладонями, отмахиваясь обеими пятернями, жмурясь, чтоб не попало в глаз, что за идиоты, богачи какие, ведь каждый патрон обходится в пять долларов, а они палят и палят...

С третьего пролета побежал, несмотря на подбадривающий огонь, уже через две ступеньки, а потом и вовсе через одну. Когда оставался один пролет, я едва тащился, с тоской думал о тех идиотах, что ежегодно устраивают соревнования: кто быстрее пробежит по лестнице на Эйфелеву башню, на Эмпайр, на Останкинскую...

На этаж выполз на брюхе, хрипя и подтягиваясь на руках, что все это время отдыхали, гады, разве что иногда хватались за перила. Лежать некогда, поднялся на трясущихся ногах, из обугленного жаром рта одни хрипы, побежал, как старая замерзающая улитка от горячего

эстонского парня. Снизу тут же прогремели новые очереди, пули дырявили пол, а в низком своде выбивают широкие лунки, из крупнокалиберных бьют, сволочи.

Впереди раздался грохот, в полу возникла дыра. Снаряд ударил в бетонный потолок, пробил дыру... впрочем, зарешеченную прутьями арматуры. Посыпалась бетонная крошка, я с разбегу перепрыгнул, снизу радостно заорали, но я тут же метнулся в сторону, а по тому месту, где я побежал бы по прямой, как будто прошла в три ряда гигантская швейная игла, пробивая пол с такой легкостью, словно он из гнилого полотна.

Я отыскал массивную металлическую крышку, три метра в диаметре, не пробить и крылатой ракетой, упал в изнеможении. Пули продолжали вспарывать пол, превращая в сито. Если бы даже здесь пряталась мышь размером с гонконгский микроб гриппа, ее наверняка бы подстрелили с двух сторон. На этом этаже пол продырявили верхушки доменных печей, мартенов и конвертеров, в них углеродистую сталь превращают в высокоуглеродистую. Всюду разбросаны одноколесные тачки, лопаты с засохшим цементом, остатки старых спецовок.

Я старался восстановить дыхание, отсюда видно в щель, как далеко внизу крохотная фигурка торкессы выскочила из укрытия и бросилась по моим следам. Мое сердце сжалось, надо было раньше, намного раньше, когда я только-только вылез наверх и уводил погоню, а сейчас они снова вернутся к ней...

Совсем близко донеслись голоса. Я затравленно оглянулся. На краю дыры, которую я перепрыгнул, появился крюк, тонкий линь спускается вниз, подрагивает, натянутый очень туго. В страхе, что не успею, я подбежал, пригибаясь без нужды, из отверстия как раз показалась круглая голова, обвязанная платком. К счастью, голова смотрела в другую сторону, я одной рукой ухватил за ствол автомата, ногой с наслаждением саданул в темечко.

Линь задрожал, пальцы удальца разжались, с жутким воплем сорвался вниз, сшибая всех, кто карабкался следом. Уже с автоматом в руках я с напряжением следил за торкессой. Внизу только тот элегантный гад, который босс, он увидел ее издали, повернул обеими руками крупнокалиберный пулемет, я видел, как все его крупное тело затрясло от выстрелов. Крупные, как огурцы, гильзы фонтанчиком взлетели вверх, грохот наполнил цех.

Она вскрикивала, отползала, такая прекрасная, одухотворенная, возвышенная. Гад радостно хохотал и строчил из тяжелого пулемета. От пуль высекались искры, это было похоже на бенгальские огни. Она наконец увидела железную лестницу, ведущую вверх, бросилась по ступенькам, гад выпустил вслед целую очередь, что уже изрешетили бы броню танка. Пули с визгом рикошетили от железных ступенек, мне показалось, что там на всех ступеньках работает электросварка.

Гад с рычанием отшвырнул пулемет, выхватил гранатомет и выстрелил в сторону убегающей фигурки. Ракета с визгом ударила в плиту над ее головой, сорвала и унеслась, а торкесса, едва не сорвавшись вниз от испуга, побежала дальше.

Гад заорал злобно, я видел, как он повел широким стволом, оттуда вырвались один за другим три столба огня, понеслись вслед за тремя ракетами, способными остановить танк или сбить новейший истребитель-бомбардировщик. Торкесса закричала жалобно, как молодой заяц.

– Пригнись! – заорал я. – А теперь влево... Нет, вправо!..

Она прыгала, увертывалась, ракеты вспарывали воздух совсем близко, одна зацепила за край облегающего костюма, торкесса едва удержалась на ногах, но успела ухватиться за поручни. Ракета, вырвав клочок, свернула в сторону и с грохотом взорвалась, ударившись в бетонную стену.

Торкесса наконец выбралась наверх, почти не запыхалась, только жаркий румянец на обеих щеках, бежит в мою сторону, оставшись в розовых трусиках и таком же розовом лифчике, грудь высоко подпрыгивает, мышцы на длинных стройных икрах играют, а красные

волосы растрепались и красиво струятся по воздуху. Она бежала длинными плавными прыжками, зависая в воздухе, словно передвигалась по Луне, у меня сердце щемило от нежности.

На повороте задела бедром зазубренные от множества пулевых попаданий перила, я успел увидеть мелькнувший клочок. Сорванные железом разорванные трусики остались на перилах. Торкесса неслась ко мне, как Афродита, бегущая от тираннозавра-рекса.

– Вниз! – крикнул я.

Она мигом упала плашмя, над ней пронеслись две огромные ракеты. Торкесса тут же подхватила и помчалась, а на металлическом полу остался, зацепившись за ржавые шляпки заклепок, розовый лифчик. Крупные груди эротично колыхались на бегу, все ее тело настолько волнуемое и нежное, что я застонал от сильнейшего желания, от просто невыносимого желания тут же прибить этого гада, эту сволочь...

Я встал во весь рост, крикнул взбешенно:

– Лиля, пригнись!

Автомат затрясся в моих руках, струя крупнокалиберных пуль ушла над головой босса. Он успел нырнуть за тяжелую станину пресса, а когда я переменял позицию и постарался достать сверху, там уже пусто. Сердце мое похолодело, я оглядывался в панике, знаками велел торкессе спрятаться за чем-нибудь массивным, что крупнокалиберные пули не пробьют, как папиросную бумагу.

Она взглянула вопросительно, перевела недоумевающий взгляд на свою высокую грудь, ее пальцы коснулись изгиба восхитительного бедра, снова посмотрела на меня с непониманием во взоре:

– Здесь?

– Спрячься, дура, – прошипел я. – Он поднимается вверх... если уже не поднялся!

Она затаилась, я сбросил рубашку, бросил ей, показывая знаками, чтобы оделась, дура, так женщины выглядят еще эротичнее, а голые – что голые, мы все рождаемся голыми, это не так интересно.

Пока она одевалась, укрывшись за массивной станией, я изо всех сил напрягал слух, но рядом двигаются огромные поршни, чавкает, хлопает, брызгает горячим маслом. С другой стороны вращается огромное колесо маховика, тяжелое, как православие, скрипит проржавевшими догматами, я отбежал на цыпочках, уши на макушке, глаза врастопырку, обогнул массивный пресс, сердце радостно подпрыгнуло.

Впереди крадется фигура, двумя руками держит пистолет, тоже готов ко всем неожиданностям, кроме тех, что сзади, уши на макушке, глаза врастопырку, в чем-то моя копия, но только я на стороне Добра, видно по моему торсу и благородному лицу, а он весь из себя злодей, даже крадется по-злодейски.

Я тихохонько догнал, шум от работающих машин глушит звук шагов, сказал негромко:

– Не там ищешь...

Он резко обернулся, но приклад автомата уже двигался по рассчитанной траектории. Они встретились в точно заданной точке: приклад и не менее массивная челюсть. Хрустнуло, но приклад выдержал, а челюсть – нет. Босс отшатнулся, пальцы разжались, пистолет выпал. Я подхватил его ударом ноги на лету и отправил в угол.

– Ты не...

Вторым ударом я попал в переносицу. Также прикладом. Босс покачнулся, колени подогнулись, он завалился лицом вниз. От удара дрогнул металлический пол, быстро растеклась кровавая лужа, похожая на Крабовидную туманность.

Я стоял над телом, настороженно выискивал взглядом торкессу. Что это последний, сомнений нет, босса всегда убивают в конце, но как бы эта ворона... красивая ворона, правда, да еще с такой фигурой, если честно... как бы не сунула палец под пресс, не сломала каблук или, что куда страшнее, не попортила маникюр, то-то визгу будет.

Босс зашевелился, начал подниматься, я проворонил, и, только когда он выпрямился во весь рост, в глазах изумление, я замахнулся кулаком в челюсть, вместо этого ударил ногой в пах. Он перегнулся от боли, прохрипел в великом изумлении:

– Запрещенный... прием...

– Теперь все отпущено, – отрубил я. – Понял?

И с размаха саданул ногой в челюсть. Он рухнул на спину, я подпрыгнул и пару раз с силой саданул по ребрам. Захрустело, словно кубинцы снова ломают сахарный тростник голыми руками. Он вскрикнул:

– Лежачего?

– А я сторонник восточных единоборств, – ответил я нагло. – Сейчас Восток на марше, а мы все демократы!

– Демо... кра... ты?

– Ну да, – ответил я, – теперь можно и ниже пояса, и в спину, и лежачего!

Торкесса подбежала, держа в руках, молодчина, пистолет. Правда, несла брезгливо, как лягушку, от которой бородавки и морщины. Я ухватил, не глядя, сунул за пояс.

Босс прохрипел:

– Ладно-ладно, ты победил!.. Я вижу, сейчас убьешь. Но, прежде чем застрелишь, расскажи, что ты задумал?

– Щас, – ответил я, – разбежался.

И, выдернув пистолет, нажал на скобу. Рукоять в ладони дернулась, будто лягнул конь. Две пули распластали его на полу, как медузу. Глаза расширились в сильнейшем изумлении, как же так, я должен долго злорадствовать, глумиться, похвастаться победами, рассказывать во всех подробностях свои планы на ближайшие сто лет вперед...

Я шагнул ближе, благоразумно не приближаясь, однако прицелился в лоб и повторил:

– Щас!

Грянул выстрел, над переносицей образовалась дыра, в которую пролез бы кулак. Торкесса, волнуясь грудью, спросила испуганно-щебечущим голосом:

– Застрелил? Насмерть?

– Да, – ответил я, – хоть и допустил неосторожность.

– Какую?

– Я ответил: «Щас», а уж потом нажал на курок. Умнее сперва стрелять, а потом рассказывать. После двух контрольных выстрелов.

Она вздохнула и прижалась ко мне теплым мягким боком. Я напряженно всматривался в проем, не мелькнет ли кто еще, хотя босс всегда попадает в конце, но хрен знает, что за режиссер, вдруг что экспериментальное или неумелое, а рядом вздохнуло, словно выдохнула молодая яловая корова. Меня обдало теплым домашним воздухом, к плечу прикоснулось волнующе-мягкое, упруго-мягкое, я мог не оглядываться, по участившемуся току крови в теле ощутил, что торкесса нежно и зовуще прижалась грудью.

Вздохнув, я чуть отстранился, пальцы подрагивают на оружии. Если кто все же появится, надо успеть выстрелить первым. Именно так несколько странно определяется правота, но это непонятно только для какой-нибудь дурацкой галактической логики, а не для земной, человеческой... нам всегда все понятно. А что непонятно, то и фиг с ним.

Рядом послышался вздох, я наконец скосил глаза, торкесса смотрит с обидой.

– Что-то случилось? – спросил я.

– Наверное, – ответила она с непониманием в глазах. – Вы так настойчиво от меня требовали...

– Чего?

Она высоко подняла красивые брови.

– Близости, чего же еще требуют мужчины?

Я покачал головой, глаза не отрывали взгляд от проема.

– У нас несколько разные системы знаков. У вас, как у муравьев, знаковая система неизмеримо богаче, я смиряюсь. Возможно, вы еще умеете переговариваться, как те же муравьи, феромонами, танцами и тактильными...

– Умеем, – подтвердила она оживленно. – Я могу обучить этому языку...

Зов был силен, я чувствовал в ушах звон, а в глазах начало темнеть от оттока крови, зато в нижней части потяжелело, словно я сидел в ванне с горячей водой.

– Рано...

– Дорогой, – проворковала она, – убери пистолет... Я понимаю, это так мужественно, когда с пистолетом, некоторым самцам это добавляет, усиливает, повышает...

Я обернулся, труп уже начал шевелиться, приподнялся на локте, ранка на лбу затянута, оба глаза смотрят с нечеловеческой злобой. Я выстрелил дважды, босс вздрогнул и распластался снова. На этот раз руки разбросал, будто решил тренироваться, как будет выглядеть на кресте.

Торкесса прошептала с глубоким уважением:

– Так ты...

– Ага, – ответил я и сунул пистолет за пояс.

Мы прошли несколько шагов к лестнице, что ведет вниз, я подобрал автомат, проверил диск. Торкесса спросила с недоумением и боязливостью:

– Ожидаешь внизу... кого-то еще?

– Да, – ответил я, – но только не внизу.

Круто развернувшись, выпустил длинную очередь в набегающего в продырявленном плаще босса. Шляпу уже потерял, на квадратной голове блестели две крохотные клеммы, лицо позеленело и вытянулось, а рук уже шесть, если не восемь... Пули остановили, закачался, куски раскаленного металла рвали его тело, потекла кровь, уже не красная, а ядовито-зеленая, куски плоти шлепались на пол, дымились и быстро испарялись, как сухой лед.

Автомат поперхнулся, я отшвырнул, выхватил пистолет и снова всадил по пуле в глазные впадины. Монстр упал навзничь. Я стоял над ним с пистолетом в вытянутой руке, торкесса шумно дрожала сзади. Вокруг монстра возникла дымка, я ощутил холод, словно испарялась лужа жидкого кислорода, тело монстра задрожало, начало истаивать, через пару минут остался только скелет, но и тот, как сосулька на горячей плите, исчез, превратился в пар.

Торкесса вздрагивала, зубы стучали, а глаза стали размером с блюдца.

– Как он... как он мог...

Я сказал задумчиво:

– Есть вещи и куда более странные, чем это оживление из мертвых...

– Что?

– Как он ухитрился из шестизарядного магнума выстрелить восемь раз подряд?

Мы молча уставились друг на друга. Либо магнумы начали выпускать в новой модификации, что немыслимо... немыслима не новая модификация, а что мы не знали о таком, либо наш противник обладал какими-то неведомыми способностями.

Я внимательно осмотрел пистолет, волосы зашевелились на загривке. Торкесса спросила пугливым шепотом:

– Что?

Я выдернул пустую обойму, молча показал. Она посчитала, шевеля губами и показывая розовым, как конфетка, пальчиком: в самом деле, поместились бы восемь патронов. А девятый в стволе!

– Это, – прошептала она, – неземное оружие!

– Черт...

– Оно сделано не на этой планете!

– Но как же тогда?

Снова мы уставились друг на друга. Наконец я сказал тупо:

– Если это неземное оружие... тогда это... тогда его использовали неземляне? А раз неземляне, то... инопланетяне?

Она покачала головой, в глазах дикий ужас.

– Но это же... это немыслимо!

– Почему?

Она прошептала еще тише:

– По всеобщему закону... по договоренности... все высокотехнические цивилизации, попадая на планеты с более низким уровнем технологии, могут использовать только то оружие и те средства, что имеются там.

Я кивнул понимающе:

– Понятно, почему никаких бластеров и световых мечей... Но какой-то хитрец сумел замаскировать свою технологию под простой пистолет! Есть и среди вас не полные идиоты. Сам бы так сделал, нет ничего слаще, чем нарушить закон! Никакой оргазм не сравнится.

Она смотрела, шокированная, я улыбнулся ей бесстыдной улыбкой. Почему-то эти дуры полагают, что мы за траханье все отдадим и от всего откажемся. Подумаешь, траханье. Вот знакомая бухгалтерша признавалась, что, когда баланс сходится, наслаждение выше, чем если бы переспала с Ричардом Гиром, Куртом Расселом и даже поручиком Ржевским, вместе взятыми. А про нас, мужчин, и говорить неча, для нас многое выше.

– Ладно, – сказал я мудро. – Пойдем, рассосется.

Она взглянула вопросительно, я указал на неприметную лесенку, ведущую наверх.

– На крыше? – перепросила она.

– На крышу, – поправил я.

Она внимательно рассматривала меня, во взгляде промелькнуло нечто расчетливое, словно через глаза торкессы на меня взглянул другой человек. Моя рубашка сидит на ней как свободное платье, очень даже свободное, едва-едва прикрывая то место, на котором обычно трусики, а ворот распахнут до очаровательного пупка.

– А ты... – проговорила она задумчиво, – гм... я полагала, что если граф, то обязательно хилый...

– Да? – переспросил я.

Напряг мышцы, с удивлением обнаружил, что вздулись, как сытые анаконды. Посмотрел на живот, весь в ровных квадратах мышц, оглядел руки, толстые и мускулистые, ишь, что делает беготня и драка. И хотя в мое время не стыдно быть хилаком, это у предков бзик на роскошной мускулатуре, но все-таки пустячок, а приятный пустячок. Тем более что торкесса смотрит томными глазами на мой обнаженный торс.

– Тебя подсадить?

– Подсади, – ответила она с готовностью.

Дурак, напросился, пришлось подсаживать, а это значит держать в ладонях ее упругие ягодицы. Рубашка коротка, я старался не поднимать голову, но глаза появились на кончиках пальцев, те не только чувствовали и невольно мяли обнаженную плоть, но и... тарасились, мы еле вылезли на крышу, оба красные и потные, запыхавшиеся, разогревшие до такой степени, что прямо искры из ноздрей.

И сразу же вздрогнули, как от удара хлыста, от грозного окрика:

– Стоять! Даже не дышать!.. Девке отступить на два шага... та-а-ак...

Я подумал, что, если бы меня хотели застрелить, уже бы выстрелили, медленно повернул голову. Один уцелевший из восьмерки, который жевал чуингам, держит нас под прицелом пистолета. Одна половинка морды в запекшейся крови, однако челюсти так же мерно двигаются, жвачку жуют как будто сами по себе.

Торкесса бросила на меня умоляющий взгляд. Я сказал:

– Делай, что он велит.

Наемник ухмыльнулся гнусно:

– Мудрые слова. Теперь хочешь узнать, почему не застрелил?

– Не хочу, – ответил я.

Он удивился:

– Почему?

– И так все ясно.

– Но все всегда спрашивают...

– Я не все, – ответил я гордо. Добавил: – К тому же длинные разговоры слишком разбавляют экшен, снижают драйв. К тому же и так понятно, зачем берешь в заложницы. Это все равно что на дерево повесить табличку с надписью «Дерево».

– Ого! А почему?

Я посмотрел ему в глаза.

– Ты берешь ее в заложницы и хочешь, чтобы об этом узнали и не сбили вертолет. А мертвый я никому сказать не сумею, чтобы не стреляли...

– Вертолет? – переспросил он с интересом. – Откуда знаешь?

Я указал в небо:

– Вон летит сюда. Вы как-то собирались отсюда сматываться? Да побыстрее?

Он ухмыльнулся:

– Голова у тебя варит. Я бы взял тебя в свой отряд... Тем более что ты всех здесь перебил, тебе цены нет.

Вертолет тяжело приземлился точно посередине, колеса просели под тяжестью бронированной кабины. Летчик выглянул, лицо довольное:

– Захватили? Прекрасно, генерал будет доволен. А где остальные?

Наемник запихнул торкессу в кабину, сам влез, я ожидал, что вертолет тут же оторвется от крыши, однако из дверного проема вывалилось тело пилота, а наемник крикнул вдогонку:

– Операция провалена, а я предпочту просто смыться!

Вертолет задрожал, винт пошел раскручиваться сильнее. Пилот тяжело приподнялся, сел, ощупывая пальцами нижнюю челюсть. Глаза были ошалелые, изо рта текла алая струйка. Вертолет начал подниматься, пилот завизжал, бросился к машине и ухватился за перекладину. Вертолет пошел неожиданно быстро над крышей, пилота потащило, он закричал дурным голосом.

Я опустил руки, развернулся, ноги сами понесли, набирая скорость, за вертолетом. Уходит слишком быстро, не успеваю, а край крыши все ближе и ближе, пора останавливаться...

Вертолет стремительно уходил, а я, не в состоянии остановиться, с силой оттолкнулся от самого края и прыгнул в красивом затяжном прыжке, прогнувшись. Сердце пронзил холодный ужас, меня несет над бездной, подо мной улица, я лечу на высоте двадцатипятиэтажного дома, а там внизу асфальт, автомобили...

Пальцы ударились о перекладину, сомкнулись в смертельном страхе. Рядом визжит и дергается, пытаюсь подтянуться, пилот. Лицо побагровело, глаза выпучились, я услышал сильный полузадушенный вопль:

– Это мой вертолет!

– Делиться надо, – огрызнулся я.

Он попытался лягнуть меня задней ногой. Некоторое время пинались, я прохрипел:

– Дурак... мы же в одной лодке...

– Сам дурак, – ответил он сипло. – Это вертолет, а не лодка!

– Он обманул и тебя, – втолковывал я. – Мы должны наказать его, понятно?

– Непонятно, – ответил он и, с трудом подняв ногу в армейском ботинке, с такой силой лягнул меня в бок, что мои пальцы едва не разжались. – Мне все непонятно...

– Идиот... мне тоже все в мире непонятно, так не драться же?

ГЛАВА 5

Он все еще пытался меня скинуть, мы долго били один другого, вися на одной руке над огромным городом, пока вертолет кружил на одном и том же месте, мы ж оба если не в одной лодке, то на одной стороне, перекосили вертолет, а если тот дурак за штурвалом не виртуоз, то разбиться – что два байта переслать. Наконец я изловчился и саданул дурака так, что пальцы разжались, но пролетел недолго: ухватился обеими руками за мои ноги и повис, здоровенный, гад, а я снова на одной руке, хотя вообще-то мог бы и на двух, так как отбивался больше ногами, но иногда, красиво изогнувшись, приподнимал гада и бил кулаком по голове.

Наконец раздался жуткий крик, тяжесть с моих ног исчезла. Внизу быстро удаляется тело пилота-неудачника, но любоваться полетом некогда, хотя он летел красиво, как в затяжном прыжке из стратосферы, картинно раскинув руки и ноги, регулируя полет. Наконец рухнул на крышу автомобиля, единственного в этой вообще-то пустынной местности, промял до самой земли, колеса слетели и пугливо откатились.

Я попробовал подтянуться, то есть сделать силовую вылазку, но руки уже ослабели, зад тяжеловат, мускулов там много, откинулся назад и попробовал закинуть ногу, не получилось, пальцы слабеют, а кружим на такой высоте... жуть. С третьей попытки нога пролезла на перекладину, кое-как взобрался, пошел по перекладине к дверному проему. Ветер пытается сорвать, как прилипший лист, я жмурился, вертолет, освободившись от части груза, пошел почти по прямой. Торкесса со связанными руками съезжилась в углу, наемник судорожно орудует рычагами, на пульте вспыхивают и гаснут цветные огоньки, на втором дисплее проплывает карта, там три желтые точки и две красные.

Он судорожно дернулся, когда моя рожа появилась в поле зрения, на лице отразилось сильнейшее изумление.

– Опять ты?

– Не опять, а снова, – поправил я сурово.

Он выхватил одной рукой пистолет, я захватил за кисть, сильно дернул. Грузное тело с неохотой выдвинулось из тесного кресла, раздался оглушающий выстрел, за спиной завизжала торкесса. Какое-то время мы боролись, я даже упал и несколько минут висел головой вниз из кабины, но затем сильным ударом ноги перебросил наемника через себя, он вылетел в проем, как орел с распахнутыми крыльями.

Я ринулся к штурвалу, неуправляемый вертолет идет прямо на небоскреб Южнобутовского телецентра, спросил через плечо:

– Ты как, окей?

– Да, – ответила она печально, – да, окей...

Вертолет взмыл вертикально прямо перед гигантской параболической антенной, которую Пентагон пытался купить у местного муниципала за миллиард долларов. Кровь прилила к лицу, мотор ревет на издыхании, но машина послушно, хоть и на пределе сил, сделала «мертвую петлю», выровнялась.

Я поставил на автопилот, повернулся к торкессе.

– Протяни руки... Когда он успел... А, он просто склеил? Тогда терпи.

Она жалобно вскрикивала, но я безжалостно отдираю липкие ленты. На нежной коже остались быстро исчезающие красные полосы. Она вскинула на меня испуганные глаза.

– Как ты сумел...

– Он что-нибудь говорил?

– Да...

– Быстро говори, – велел я. – По-суворовски!

Посмотрел вниз, там народ сбегался ко второй сплюснутой машине, вокруг первой уже стоят тесно, любуются, а к первой только бегут, это значит, что наемник летел с большой высоты, но ухитрился упасть строго и точно на крышу автомобиля.

– Он сказал... – произнесла торкесса, ее плечи зябко передернулись. Я посмотрел на нее и тоже передернул плечами. Эта привычка вообще-то заразительна, надо с нею кончать.

– Что сказал?

– Страшно и выговорить... Сказал, что нашу миссию раскрыли, а сейчас нашего старшего захватили вместе со штабом, погрузили в автобус и увозят к спрятанному и замаскированному звездолету.

Она всхлипнула, я быстро указал на экран:

– Какой из них автобус?.. Желтый?.. Красный?.. Какой из них?

Она прокричала в отчаянии:

– Если бы я знала... Если бы я знала!

– То что?

Она вскрикнула в слезах:

– То я никогда не согласилась бы пойти в космическую разведку!

Я спросил кровожадно:

– Новичок, да?

– Еще какой, – ответила она, всхлипнув, – две недели всего... Да и то бумаги подшивала в канцелярии. У нас солидная организация! Мы взяли в аренду дырокол, только начали разворачиваться...

– И тут предложили непыльную работу, – добавил я задумчиво. – Кое-что начинает вырисовываться... Давай держи штурвал, а я пока рассмотрю эту карту.

Пока она двигала рулем управления с умением домохозяйки после двух уроков езды на велосипеде, я работал с картой, с непривычки увеличивал изображение от взгляда с далекой Галактики до внутриатомного строения. Восхитился совершенной аппаратурой, что позволяет вот так с высоты заглядывать в низкий вырез любого платья, в самом деле позаглядывал, надо же опробовать, наконец отыскал автобус, сам взялся за рычаги, погнал вертолет на предельной скорости.

Она спросила тревожно:

– Что собираешься делать?

– Передать руль тебе, – ответил я. – На, держи!.. Веди как можно ближе к автобусу.

Пока она заново осваивалась с рычагами, я подобрал пистолет наемника, и пусть кто-то вякнет, что это оружие ближнего боя: я с трехсот метров точными двенадцатью выстрелами уложил двенадцать гадов, что высывались из окон и беспрерывно строчили по мне из узи, калашей, крупнокалиберных, стреляли из базук, стингеров, мух и птурсов.

– Давай ниже, – велел я кровожадно.

– Зачем?

– Нагоним, догоним, перегоним... но пить пока не станем.

Она не поняла:

– А пить... почему?

Я сдвинул плечами:

– Откуда я знаю? Бери от жизни все, но потом положи обратно!

Она спросила умоляюще:

– Я что-то не понимаю? Не въезжаю, да?

– Я сам не въезжаю, – признался я, – но звучит клево, верно?

– Ну... вроде бы...

– Тогда веди прямо за автобусом.

– Что ты задумал?

Я окинул оценивающим взглядом ее фигуру:

– Говорят, чем лучше формы, тем дороже их содержание... брешут, гады. Чем приятнее формы, тем безразличнее содержание.

Она сказала обидчиво:

– У женщин бывают такие формы, что мужчинам не по карману их содержание. Ладно, вот автобус, что дальше?

– Еще ниже, – велел я.

Вертолет на некоторое время застыл было над самой крышей автобуса. Но водитель как почувствовал, прибавил газу, а когда торкесса начала догонять, тормознул – мы проскочили вперед – открыл окно и выстрелил из стингера. К счастью, торкесса догадалась выпустить тучу алюминиевой стружки. Ракета пролетела мимо и взорвалась, обдав нас запахом фальшивого китайского пороха.

Я топтался на лыже, примеривался, все не решался спрыгнуть, автобус начал рыскать из стороны в сторону, я озлился, все-таки прыгнул, но не на ноги, а распластался животом и ухватился за выступы.

Раздались глухие выстрелы, рядом со мной в крыше появились дырочки. Я перекатился, дырочки последовали за мной, кто-то шел по салону с такой же скоростью, так что, помимо водителя, там остались и другие парни в черных шляпах.

Я начал продумывать, как спускаться вниз, не повредить бы схваченного резидента торкессы, как высунулась голова над крышей, почти одновременно выскочил с другой стороны еще один супермен, пошли ко мне по крыше. Я отступил, присматриваясь к обоим: крепкие парни, матерые, один, правда, не столько возмужал, сколько возмудел, но все равно может помешать мне, а напарнику, как ни странно, помочь.

– Ребята, – сказал я проникновенно, – вы имеете право хранить молчание. Все, что скажете, будет перевернуто и обращено против вас... Так что лучше отпустите пленных, а я вас. Возможно, не трону.

Они переглянулись, один спросил тупо:

– Это он о чем?

– О каких-то пленных, – пояснил второй. – Это о немцах, что ли?.. Или про войну с Ираком?

– Я говорю о команде торкессы. – пояснил я. – Которая находится в этом автобусе.

Снова переглянулись, первый сказал зло:

– Ты сейчас будешь лететь мимо окна, убедишься, что в автобусе пусто.

– А за рулем? – спросил я коварно.

– На автопилоте, – пояснил первый.

Они разом сделали ко мне шаг, я упал навзничь, они уставились на меня тупо, как два барана на новые ворота, послышался сильнейший удар, их ноги мелькнули надо мной, я приподнялся на локтях, огляделся. Мост, который их снес, стремительно отдаляется, зато впереди прямая как стрела дорога вдалеке резко поворачивает, а никакой автопилот не в состоянии вести машину по всем изгибам шоссе.

Я торопливо слез с крыши, вломился в кабину и ухватился за руль как раз в момент, когда впереди возник поворот. С трудом удалось вывернуть, на мгновение боковые колеса пронесли над бездной, но дальше выровнялся, попробовал сбросить скорость, не удалось, гоню как бешеный, легонько нажал на педаль тормоза, удивился, что не чувствую. Посмотрел вниз: педаль бессильно лежит на полу, а машина несется с нарастающей скоростью, здесь под уклон, да еще какой уклон...

Некоторое время я боролся, пытался остановить, замедлить, а впереди возник обрыв, приближался с ужасающей быстротой. Шоссе уходит в сторону, но не с моей скоростью

пытаться повернуть... Я открыл дверцу, с этой стороны мелькает стена, разотрет, как зерна кофе, с другой слишком близок обрыв...

Я оттолкнулся от подножки в тот момент, когда передние колеса автобуса уже покинули асфальт. Меня перебросило через ограждающий пропасть бортик, я покатился, стучаясь о камни, небо и земля много раз менялись местами. Наконец мое тело заклинило между глыбами, и я мог увидеть, как автобус красиво падает, подпрыгивая на каждом выступе, а потом долго-долго взрывается, словно целая колонна бензоцистерн. Я кое-как высвободился, на всякий случай сбежал вниз, пришла идея проверить багажное отделение.

Вертолет опустился прямо на шоссе, я увидел торопливо сбегающую вниз мою рубашку, а в ней выпуклые прелести торкессы. Я спускался, сильно прихрамывая, она же летела, как на крыльях, обогнала, первой оказалась у обгорелого автобуса.

– Здесь никого...

За спиной торкессы поднялся в дымящейся одежде человек, обхватил ее одной рукой за горло, я тут же выхватил пистолет, но он в другой руке показал мне гранату:

– Видишь?

– Да чего ее бояться, – сказал я нагло, – она же ручная!.. А вот пистолет у меня... слегка диковат. Недодрессирован.

Он зло захохотал, я держал его на прицеле.

– Уйди, – велел он. – Это я лежал в багажнике. Меня должны были переправить через границу после успешной аферы с ваучерами. Ты все сорвал, сволочь!

– Ты меня не интересуешь, – сказал я. – Нашу страну все грабят. Если всех убивать, то на земле вообще никого не останется. А по мне, лучше жулики, чем инопланетяне.

Он покачал головой, торкессу держал за горло сгибом локтя, а ослабевшая рука медленно опускалась под воздействием гравитации, пока не оказалась на ее высокой груди. Торкесса, девственница, возмущенно завизжала, топнула ногой, попав острым каблуком по пальцам, ринулась в сторону. Герой ваучеризации оскалил зубы и метнул в меня гранату. Я выстрелил, пуля ударила в гранату, прервав ее полет, раздался взрыв. Безголовое и с оторванной рукой тело стояло, казалось, целый час, а торкесса, всхлипывая, ринулась ко мне на шею.

Я гладил ее, похлопывал, чесал за ухом, потом сказал с облегчением:

– Ложная тревога!..

Она подняла голову, на раскрасневшемся лице со счастливыми глазами мгновенно возникло страдальческое выражение.

– Нет, не ложная... Их в самом деле захватили. Просто было два автобуса. Помнишь, красные точки? Один в качестве ложной цели. Для отвлечения. Значит, они очень нас опасаются.

Я вспомнил автобус, битком набитый звероватыми боевиками, кивнул. Опасаются, но мое самолюбие это не тешит. Я предпочел бы, чтобы мои противники были не моложе трех лет.

– Не знаю, как ты... Стоп, вон автомобиль!

– Где?

– Разуй глаза!

Еще ниже под нами ровная лента шоссе, далеко показался автомобиль, мы успели выскочить на асфальтовую полосу до того, как затормозить будет уже невозможно. Автомобиль быстро и надежно остановился: красивый, элегантный, новенький, водитель не спеша отстегивал ремень безопасности. Я подбежал, дверцу на себя, водитель удивленно вскинул голову. Я ухватил за воротник и выбросил из машины.

– Госнеобходимость!.. – рявкнул я. – Ваше средство передвижения необходимо полиции... разведке... сигуранце...

Торкесса забежала с другой стороны и поспешно заняла соседнее сиденье.

Мужик, лежа на асфальте, прокричал беспомощно:

– Но это мой автомобиль!
– Что за идиоты, – пробурчал я с тоской. – Что делает с людьми эта гребаная демократия...

– Что? – спросила любознательная торкесса.

– Обезличивает людей, – ответил я с горечью. – Стандартизирует! Слышишь, все кричат одно и то же!

Я включил зажигание, автомобиль дернулся и понесся, набирая скорость. Торкесса смотрела на меня в почтительном ужасе.

– И часто...

– Что?

– Ну... поступаешь вот так незаконно?

– Да с каждой новой баймой, – ответил я. – И не по одному разу. Особенно когда убьют несколько раз, всякий раз повторяешь одно и то же, продвигаясь по шажку... Держись крепче, сейчас пойдём по встречной полосе...

Она с ужасом взглянула на встречный поток стремительно летящих машин, вскричала в ужасе:

– Но зачем?

– Я знаю, – ответил я неколебимо, – что я делаю.

На самом деле, конечно, хрен понимаю, что делаю, но кто из нас что понимает в этой гребаной жизни? Все делаем то, что считаем правильным, а так как сейчас мы – сверхчеловеки, вот и выбрасываем всяких там французов да иракцев из машин и домов, как раньше бомбили и выбрасывали афганцев, сомалийцев, а скоро начнем так же с сирийцами и корейцами.

Тормоза завизжали, когда я на полном ходу проскочил в промежуток разделительного барьера, некоторое время ехали на двух колесах, торкесса визжала отчаянно, встречные машины шарахались, как кошки от бультерьера.

Машина глотала километры, как собака мух. Наконец торкесса успокоилась, подставила лицо солнцу, жмурилась, как котенок, даже мурлыкала. За последние сорок лет все крупные промышленные предприятия перенесены за черту города, остались мелочи, типа часовых заводов или по производству сережек и бижутерии, я долго искал на карте, пока отыскал крупнейший металлургический завод, его первым велел убрать из Москвы Хрущев, а Брежнев завершил процедуру. Потом перенесли и другие заводы, поменьше, но эти за последние годы модернизировали, перестраивали, некоторые работают и сейчас, в то время как на первом металлургическом все настолько устарело, что такие заводы проще делать заново, уже с иной инфраструктурой, чем пытаться перестраивать.

– Есть, – сказал я наконец. – Вот там заброшенный сталелитейный завод!.. Один только цех горячего проката выдает миллион тонн высококачественной стали ежедневно, а расположен на площади, равной трем ВНС, что потом стала ВДНХ, теперь ВВЦ, а завтра...

Она вскинула бровки.

– Но как же... Миллион тонн в день – это очень много! Какой же заброшенный?

Я отмахнулся.

– Да кому это нужно? ВПК загнулся, кастрюли да сковородки вместо атомных подлодок... Чтобы не возиться, там поставили еще одну штуку, что весь этот металл снова в дерьмо... прости, в металлолом. Замкнутое, так сказать, производство.

Она удивленно покосилась на меня, когда я повернул руль и направил машину к ярко освещенному зданию с яркой вывеской через дорогу. На высоте второго этажа на огромном экране танцевала у шеста девушка, но, едва начинала сбрасывать одежды, ее сменяла надпись: «Стрип-клуб. Открыт круглосуточно». Под экраном широко распахнутые двери, два крутых фейсконтрольных амбала, изнутри грохот разбиваемого токарного станка с помощью кувалд и совсем не божьей матери, новый хит от группы «Самая Новая Корчма».

Она прошептала:

– А что здесь?

– Надо, – ответил я мрачно.

– Полагаете, ваша графскость, здесь... может быть ключ к тайне?

– Это не так важно, – ответил я. – Ты разве не чувствуешь?

Она прошептала смятенно и униженно:

– Нет, мои рецепторы ничего не улавливают.

– Женщина, – сказал я покровительственно и почесал у нее за ухом. – Ничего, зато ты красивая.

Она вспыхнула, польщенная, но в глубине красивых глаз оставалось недоумение. А я не стал объяснять, что хотя погони и перестрелки – необходимейшие составные жизни, без них ну никак ни в одну дыру, но в жизни обязательно должно возникать женское тело, даже Тургенев без него не обходился, хоть и предпочитал на анатомическом столе, а при нынешней свободе этого самого женского должно быть много: обнаженного, потного, с крупными сиськами и заостренными сосками... покрасневшими и затвердевшими, и чтоб живот мягкий и с небольшими валиками на боках, как французские ручки, ягодицы чтоб вздернутые, широкие и высокие, чтоб при каждом шаге покачивались, как женский ум...

Амбалы оглядели нас цепкими глазами: новенькие, неподдатые, без автоматов и гранатометов, отступили, а мы пошли навстречу музыкальному грохоту, бегающим по стенам и потолкам лучам цветных прожекторов в поисках немецких самолетов.

В зале воздух, пропитанный ароматами дешевого вина, травки, клея и дезодорантов, изменяющих формулу запаха пота. После солнечного дня показалось почти темно, затем глаза различили в багровом полумраке нечто похожее на огромный чан с дождевыми червями, что пытаются выбраться через край. Правда, некоторые вроде бы как раз закапываются. Полуобнаженные тела блестят, цветные пятна бродят по залу, а ритмичный грохот заставляет кровь струиться чаще, сердце подстраивается под навязываемый ритм, все танцующие выглядят одним существом...

На приподнятой площадке у шеста вертится, изгибаясь, пританцовывает уже обнаженная девица с крупным бюстом и рельефными ягодицами. Танцует с явным удовольствием, еще свеженькая, наслаждается тем, что у нее сильное сексуальное тело и что мужчины смотрят с жадностью, а их подруги застыли с кислыми улыбками.

Две трети зала заполнены танцующими, точнее – покачивающимися под оглушающую музыку, из-за тесноты хрен потанцуешь, а треть отдана под столики. Мы отыскали не только свободные места, но и свободный стол, сюда приходят потанцевать, на голых бабс поглазеть, а не жрать, официант подошел сразу же, я брезгливо отстранил листок с меню:

– Я неграмотный, потому и богатый, ясно? Неси коньяк, но только хороший, понял? И ченить для выпивки... В смысле, пить буду, понял? И поесть не забудь. Да не сам, а для меня и моей крошки. Учти, едим много, хоть и худые. Глисты, наверное.

Он изогнулся в почтительнейшем поклоне, исчез. На кухне разом закипела бурная деятельность, словно в первые годы индустриализации и подъема животноводства. Из окошка то и дело выглядывали красные морды поварят, всем хочется посмотреть на олигарха, потом шеф-повар их прогнал и закрыл окошко.

Я лениво осматривался, сперва, ессно, на танцовщицу у шеста, обратил благосклонное внимание на певицу, та едва не заглывает шишку микрофона ярко накрашенным ртом. В отличие от шестовички певица в скромном сарафане с постоянно выпрыгивающей из-за слишком низкого выреза грудью поет неплохо, совершенно не замечая фокусы своих молочных желез, а когда спохватывается, мило краснеет и поспешно заправляет обратно, не забывая мимоходом потереть и без того красный и разбухший кончик. Народ хлопал и следил, когда же снова от резкого движения эта вещь выпорхнет на свободу. Я заметил, что все повторяется

через точно рассчитанные интервалы, когда ожидание достигает пика, здесь важно ни в коем случае не давать ему спадать, режиссура отпадная.

За соседним столиком молодящаяся дама злым шепотом сообщала заинтересовавшемуся зрителем спутнику, что это все силиконовое, что поет отвратительно, платье аляповатое, ноги кривые, но спутнику, судя по глазам, по фигу такие тонкости, силикон – не силикон, главное – размеры, а там хоть и вовсе надувная, какая разница, все они дуры надувные.

Певица мигом заметила появление богатого клиента, но не повела глазом, ждет каких-то знаков внимания с моей стороны, но в этом деле важно не переждать, на меня начали поглядывать и другие женщины. Вернее, сперва смотрели, какой коньяк нам ставят на стол, а потом уже смотрели уважительно на меня.

Вскоре, оставив микрофон, певица сошла с эстрады и медленно, продолжая петь, пошла по залу между столиками. Движение выглядело хаотичным, но я уловил алгоритм, без труда вычислил, сколько понадобится ходов, чтобы подошла к цели. Торкесса следила враждебными глазами, сразу ощутила врага, это в женщинах встроено с рождения, как ультразвуковой локализатор в летучую мышь или электрические аккумуляторы в морского ската.

Певица наконец приблизилась, равнодушно и пренебрежительно скользнула взглядом по моей спутнице, а мне улыбнулась томно и так обещающе, что глаза торкессы сразу вспыхнули, как большие зеленые фонарики. Я слышал скрип ее зубок, когда певица томно погладила мои плечи, помассировала мне шею и плечи, погладила уши и мило проверила мизинчиками их содержимое. На левом что-то прилипло, она вытерла о бедро и почистила мне ухо таким интимным жестом, что торкесса засопела, как морской лев, начала пыхтеть и надуваться.

Я указал певице на свободное место:

– Мы будем счастливы...

Она улыбнулась обещающе и даже многообещающе, снова наклонилась и помассировала мне плечи, увесистые груди выскользнули обе и мягко легли мне на шею.

– Не могу, – проворковала она низким грудным голосом, от которого воспламенилось все внутри, в смысле, в нижней части, – мне надо закончить номер.

– Тогда разрешите прислать шампанское в вашу гримерную? – поинтересовался я.

– С условием, – произнесла она богатым оттенками голосом, – что вслед за шампанским заглянете и вы?

– О, йес! – ответил я с воодушевлением. – Карамболь!

ГЛАВА 6

Она посмотрела оценивающе на позеленевшую торкессу в моей рубашке, все женщины в этом заведении, как догадываюсь, сразу сообразили, что у моей спутницы под моей рубашкой ничего нет, даже трусиков, женщины это чувствуют сразу, но все же певица улыбнулась с победоносностью во взоре: у нее и грудь крупнее, и зад выше, не надо на полусогнутых, и волосы длиннее, а все мужчины обожают, когда длинные волосы по подушке...

– Да, – сказала она многозначительно, – карамболь!

Торкесса, задыхаясь от гнева, нет, уже от ярости, смотрела ей вслед испепеляющим взором.

– Ваше сиятельство, – едва выговорила она лязгающими зубами, – вы уверены, что... что это существо... с этой примитивной культурой... способно... вообще способно...

– Уверен, – ответил я великодушно.

– Но ее уровень!

Я ответил лениво:

– А я в этой области не ищу высокие уровни. Наоборот, чем проще, тем кайф выше.

Торкесса замолчала, потом сказала негодуя:

– Так вот почему вы поедаете ее таким пылающим взором?

Я пробормотал:

– Оттого что сейчас на диете, не значит, что не могу читать меню... Лилея, что за дела?

Мы на задании.

– Но вы, милорд, – сказала она обвиняющим тоном, – весь разбухли!

– Ну, не весь, – пробормотал я, – но, дорогая, человек не может все время быть в погоне, в науке или в постели. На то он царь природы и венец творения! Надо чередовать, чередовать, чередовать... У нас попробовали задержаться на великой стройке чуть дольше, чем позволяла биология, целую страну обвалили с таким грохотом! Всю планету качает, как паука-плавунца на волнах!

– Но разве не знаете, что чем больше...

– Нет, – прервал я поспешно, – я не верю, что это решает все проблемы. Поголовная мэйдфакция началась еще в шестидесятых, но войны как шли, так и идут. И с ваучерами надули! И озоновая дыра не уменьшилась... погоди, что ты все сворачиваешь на эту тему? У тебя эти две недели ученичества на секретного агента на чем оборвались?

Она мило покраснела, прошептала:

– На первом же уроке по обольщению...

– Понятно, – протянул я. – Значит, ты не заикленная, просто ничего другого не знаешь... а знания показать хочется. Ну, хотя бы те, что на первом уроке?

Она потупилась, на щеках заиграл румянец, перебрался на лоб и шею, а восхитительнее всего, когда запылали уши. Я подозвал официанта, велел отнести лучшее шампанское и цветы в гардеробную певицы, сразу же уплатил, другой принес и поставил краешком поднос на край стола. Не чинясь, я помог перегрузить на стол все два десятка блюд, он пришел в восторг от такой демократичности молодого олигарха.

Торкесса смотрела на множество блюд в тупом недоумении.

– Зачем это все?

– Будем есть, – сообщил я бодро. – В смысле, ты – кушать, а я – жрать!

– Но почему так много? – спросила почти в отвращении. – В кого я превращусь?

– Ага, – сказал я злорадно, – и у вас есть проблемы с весом?

– Нет, но это просто... просто...

Я не слушал, разделявал большим ножом гуся, коричневая корочка потрескивает, из надрезов вырвался горячий пар, ноздри мои жадно ловят одуряющие запахи, стараясь вобрать все, чтобы не уплывали в сторону чужих столов. Потек прозрачный сок, желудок начал дергаться в нетерпении.

Торкесса едва коснулась жаркого на ее тарелке, как тут же опустила нож и вилку. Глаза ее, очень серьезные, вперили в меня вопрошающий взгляд.

– Милорд... разве нам не надо... спешить?

– Надо, – согласился я, – но, увы, ты не понимаешь...

– Чего?

Я развел руками, изобразил мимикой титаническую работу ума, пожал плечами, снисходительно улыбнулся:

– Нет, все равно не поймешь... Нет-нет, не реви, я сам не понимаю, правда. Но такова логика, весьма абсурдная, согласен. Но разве не в абсурдном мире живем? Однако он построен на неких законах, нам неведомых. Один из них в том, что, какой бы ни была спешной погоня, мы просто обязаны время от времени заходить либо в стриптиз-бары, либо в бордели...

– Фу!

– Что делать, таков закон. Даже выше – Закон! Вот так заходить в бордели, а также вот так сидеть и с аппетитом жрать, от пуза жрать, чувствовать запах и даже аромат жареного мяса, слизывать сок с пальцев... Я понимаю это так, что человек состоит не из одной гонялки, человеку надо что-то еще... например, мы можем во время погони заскочить в музей Изыщных Искусств, вдруг там злодей, а там я тебе попутно расскажу о Ренессансе, Серебряном веке или сокровищах Тамонхаима...

Она посмотрела на меня с подозрением.

– А вы, граф, в самом деле знаете?

Я бесстыдно улыбнулся:

– Если честно, то сейчас не знаю даже, где этот музей и есть ли такой на самом деле. Но если вдруг окажемся вблизи и будет подозрение, что преступник забежал в музей, то... Сама понимаешь, я смогу, в самом деле смогу, откуда и возьмется, рассказать об истории создания картин, об их великой ценности. Конечно, если будем честнее, то предоставим рассказывать экскурсоводу, но так, правда, несколько померкнет мой имидж интеллектуала-искусствоведа со стальными мускулами.

Она слегка поморщилась от моего чавканья, даже рев музыки не заглушает, но должен же я оттянуться в чем-то желудочном, раз сдерживаю позывы генитальности, а то все о музее, Ренессансе, Серебряном веке, сокровищах Тамонхаима, сколько можно, человек не может о высоком столько, а вот о низком может всю жизнь, а потом отыщет и еще что-нибудь, но не высокое, а еще более низкое, это же проще.

Однако мой аппетит оказался заразительным, сперва клевала, как птичка, потом ела, как мышка, а потом уже – как здоровый раскрепощенный бегемотик, ведь с полуобезьянами жить – по-английски говорить.

Я наливал ей в высокий бокал шампанского, вскоре щечки торкессы заалели уже не от смущения, совсем не от смущения, глазки заблестели. Время от времени оглядывала зал, заметила наконец, что хотя зал с множеством столиков, но наверху, если подняться по лестнице, еще столы, там явно дороже, ибо каждый стол отделен от соседнего перегородкой, а дальше вообще стена с красиво оформленными дверьми, на каждой номер. У меня в черепе что-то зашевелилось насчет комнат с номерами, но не мог вспомнить, только лезут всякие обрывки анекдотов, но это у всех, сейчас каждый набит анекдотами в той мере, как наши отцы были набиты мудрыми мыслями, а деды – революционными лозунгами.

– Поднимемся наверх, – предложил я.

– А что там, бильярд?

– Бильярд традиционно внизу, – пояснил я, – а сверху несколько иные развлечения.

Она просияла:

– Мы ими займемся? Чтобы отвлечь внимание, естественно.

– Не увлекайся, – предупредил я. – Сейчас естественный отбор пошел через развлечения.

Эти расслабоны и балдежники выкашивают почище черной оспы или испанки.

– Страсти какие, – прошептала она, округлив глаза.

Мы прошли на цыпочках мимо танцующих, большая часть из них уже обречена, остальные на пути в бездну, из которой возврата нет. Торкесса пугливо отворачивалась и задерживала дыхание, отчего ее высокая грудь стала еще выше, привлекая взгляды пьющих, жрущих, танцующих, балдеющих и всячески снимающих стрессы, хотя у таких прямохордовых откуда стрессы, но мне по фигу, их на планете семь миллиардов, придется настроить еще больше этих стриптиз-баров, стриптиз-ресторанов и стриптиз-кафе, а также стриптиз-столовых, стриптиз-макдоналдсов и стриптиз-аптек, чтобы поскорее и достаточно легально уменьшить это жрущее и пьющее, но ничего не производящее население.

Когда поднимались по лестнице, внизу за столиками мужчины прекратили жевать и уставились круглыми глазами нам вслед. Надо сказать, что моя рубашка на торкессе не сказала чтоб уж достигала длины платья, пусть даже короткого, а розовые трусики она потеряла. И вообще ноги у нее безукоризненной формы. Еще подумаю, покупать ли ей что-нибудь из одежды.

Миновав отделения, где столы разделяются всего лишь перегородками, двинулись вдоль стены с плотно закрытыми дверями. Торкесса прислушалась на ходу:

– Здесь только сопят... И здесь... И здесь... А здесь только чавкают, не понимаю...

– Поймешь попозже, – успокоил я.

– Да?.. А здесь говорят, но это не они...

Я подошел, приложил ухо к двери.

– Почему?

– Говорят по-английски.

– Ну и что?

– Значит, это англичане, – растолковала она мне, как придурку.

Я прошептал с жалостью к убогонькой, но красивой:

– Господи, какое дите... Да все на свете, хоть китайцы, индусы или русские, баски или сербы, говорят между собой по-английски. Наверное, потому, что других языков не знают. Даже в самых дальних аулах Дагестана, где и не слышали ни о какой Америке. И все инопланетяне говорят только на английском! Так что язык – не доказательство.

Она заметно покраснела, и, хотя стояла в прекрасной эротичной позе, согнувшись к замочной скважине, я видел, как жарко покраснела ее нежная шея, почти чувствовал, как волна пурпура шла от шеи по спине к пояснице, там взобралась на пышные холмики, заставив их вспыхнуть, как под утренними лучами алого солнца, я представил, что натворила прихлынувшая волна жаркой крови там, дальше, у меня самого все прихлынуло так, что в глазах потемнело, а в ушах послышался тонкий комариный звон. К тому же вспомнил сразу, что у нее под рубашкой ничего лишнего нет. В самом деле лишнего.

Я смутно ощутил, как ее руки подхватили меня, снизу приняло мягкое и шелковистое, сверху в тумане появилось лицо с встревоженными глазами.

– Что случилось?

– Да так, – прошептал я с неловкостью, – вроде бы и не карлик, а такой отлив крови... гм... Все прошло, извини!

– У тебя так часто случается?

Я посмотрел на ее фигуру снизу, моя бесформенная рубашка, слава богу, скрывает хотя бы сиськи, с неловкостью отстранился.

– Боюсь, теперь будет чаще.

– Я могу чем-то помочь?

– Да, – ответил я с жаром, – да!

Она внимательно посмотрела в мое бедное лицо, перевела взгляд на дымящиеся брюки.

– На моей планете, – произнесла она, – несколько патриархальные нравы. Конечно, я знаю, что такое командировочное настроение и как оттягиваются в командировках... но, когда придет время расстаться с моей девственностью, все-таки для таких забав отыщу настоящего мужчину, а не хлюпика, которого приходится охранять и вытаскивать из всех дыр!

Я сказал изумленно:

– Ни фиги себе... Это что, так действует шампанское? Больше не наливай, это вредно...

Она сердито окрысилась:

– Какое шампанское? Что это такое?

– Ладно, – сказал я, – замнем, но узелок для памяти завяжем. Считай, что я обиделся. Злая ты! Теперь будешь упрашивать меня заняться тобой, а я и ухом не шелохну. Я злопамятный.

Двери проплывали мимо, я прислушивался к звукам, но ничего подозрительного не услышал. Вздохнул:

– Ладно, здесь все закончено. Ложный след! Пойдем отсюда.

Она прошипела рассерженно:

– Какой ложный след? Какой?.. Никакого следа в эту дыру не было!

– Глупенькая, – ответил я ласково.

– Почему?

– В подобных случаях, – объяснил я растолковываяще, – и в не подобных тоже, все лучшие детективы, как и все остальные, идут в стриптиз-бары. И все киллеры туда идут, и маньяки, и террористы. И переодетые сенаторы. Думаю, инопланетяне тоже. Ты не заметила, что мы прошли мимо трех международных заговоров, десятка разыскиваемых бенладенов... но это не наше дело, верно?

Солнце ударило по глазам, как бейсбольной битой. Торкесса смешно сморщилась и чихнула, я прищурился, поспешно надел черные очки. Вообще-то злодеи носят черные очки даже ночью, наивно полагая, что в очках их не узнают, как в старину на костюмированных балах носили изящные полумасочки, скрывающие миллиметр кожи вокруг глаз, из-за чего, оказываясь, их не узнавали собственные мужья, любовники и жены, что давало возможность заплетать хитрые узлы милых интриг и недоразумений.

– Куда теперь? – спросила она.

– К подвигам, – ответил я бодро.

Машина легко взяла с места и помчалась к шоссе. Торкесса посматривала по сторонам непонимающе, наконец проронила:

– Странно как-то...

– Что?

– Но ведь мы только посмотрели! А ты выглядишь так, будто я уже удовлетворила все твои фантазии. Или хотя бы самые простейшие...

Я отмахнулся:

– Не бери в голову. Не все надо понимать, многое надо чувствовать.

– Например?

– Ну хотя бы то, что мы – только функции. Но не сложного многомерного уравнения, этого не поймут и не станут дальше вникать, а достаточно простые, но... яркие, могучие!

Она сказала честно:

– Все равно ничего не поняла. Но раз ты так говоришь, то я тебе верю. Ты – мужчина, я – женщина, я по биологии должна если и не верить, то делать вид, что верю, чтобы твое мужское самолюбие не было ущемлено, это сказывается на воспроизводящей функции.

Я буркнул недовольно:

– Так вот и делай вид, а не умничай. Умных женщин не берут даже в любовницы. Функция отвергает... Кстати, пристегни ремень.

– Здесь за непристегнутый штрафуют? Или сразу в тюрьму?

– И то и другое, но за нами хвост, придется закладывать виражи, расшибешь лобик.

Она оглянулась, тщетно искали глаза в массе автомобилей тот единственный, что нас преследует.

– Какой из них?

– Откуда я знаю? – огрызнулся я. – Знаю, что есть хвост. А то и не один. Скажем, один от триады, которому принадлежит этот стриптиз-бар, другой от их конкурентов, которым до зарезу надо знать, что мы высматривали, третий от русской мафии, она теперь везде, это почище русских танков на улицах Вашингтона, четвертый... ладно, пропустим, а вот двенадцатый может быть как раз теми, кто нам нужен.

Она посмотрела на меня со страхом и восторгом:

– Какой ты...

– Я такой, – согласился я довольно.

– Какой ты циничный, – договорила она.

– Вот такое я говно, – согласился я. – Я же демократ, не знала? А демократы признают, что они – говно, но из этого делают мужественный вывод, что нужно научиться жить в говне, не притворяясь, не ломая комедии, не изображая мужественность, стойкость, честность, верность, раз они не присущи человеку изначально. И вот тогда, когда в мире не будет никакого притворства, когда все будут такими, какие они есть на самом деле, то есть грязнейшими из свиней, можно жить честно, ибо всем всегда будет ясно, что ожидать от говна.

Она спросила обалдело:

– Че...го?

– Все, – ответил я твердо. – Всего. Кроме надуманных и несвойственных человеку абстрактных понятий вроде верности, чести, доблести, любви и классической музыки... Держись крепче!

Я заложил крутейший поворот и на полном ходу влетел в узкий, словно в старом Неаполе, переулочек. За спиной вспыхнуло красным, нас догнала слабая волна жара. Машину слегка тряхнуло, занесло, но я выровнял, выскочили, сбив невысокий заборчик, на детскую площадку, где ни одного дитенка, зато крепкие мужички за столом треплют рыбу, а на качелях и каруселях – панки и нарки с сидюками на груди и в массивных наушниках, делающих их еще больше похожими на тех, от которых не успели отклеиться.

Я пронесся напрямик, ломая и сшибая, но даже сонные нарки успевали выпрыгнуть буквально из-под самых колес, хотя неслись мы со скоростью низко бреющей крылатой ракеты. Врассыпную ринулись собаки, они безмятежно срали в детской песочнице, теперь с полгода будут маяться поносом, снова треск и разлетевшиеся дощечки заборчика на противоположной стороне – это мы покинули место отдыха. Торкесса вскрикивала, я бешено вертел руль, машина пошла по дуге вдоль домов. Я наметил место, где выскочить, но на дороге, ессно, некий дурень решил выгрузить картонные коробки, торкесса закрыла глаза и сжалась в ком, но всего лишь разлетелись серыми клочьями, пустые.

– Это он в нового русского играл! – крикнул я.

– Как это?

– Не видела, у него на коробках надписи самых дорогих фирм! Электроника, бытовая техника... Чтоб соседи видели. А на самом деле пустые...

Когда покидали дворы, навстречу ехала белая машина с цветами и воздушными шариками, молодожены, я резко подал руль влево... нет, вправо, нет, все-таки влево, ибо снова

треск, выскакивающий из-под колес человек, ишь, вздумал выгружать прямо на дороге бидоны с молоком, кто ж теперь возит в бидонах, дикарь...

– Мог бы и объехать, – сказал торкесса.

– А пусть не ставит на дороге! – огрызнулся я.

– Он не на дороге, – уличила она. – Это ты поехал...

– Русский человек называет дорогой место, – отрубил я веско, – где собирается проехать.

Держись!

Сбили выгружаемую посуду, явно чешский хрусталь, он так звенит, так божественно звенит, особенно когда вот так в десяток сервизов сразу, а потом еще и на самом краю тротуара перед выездом, вернее, выпрыгом на проезжую часть улицы, разнесли газетный киоск. Во все стороны разлетелись журналы с яркими красочными обложками. Один упал на лобовое стекло, порнуха, ветер начал перелистывать, я засмотрелся, торкесса отчаянно завизжала:

– Мы на встречной полосе!

– Извини, – пробормотал я.

При резком повороте журнал смахнуло в сторону под колеса грузного МАЗа, толстый протектор припечатал глянцевое тело Бритни Спирс, из-за чего я сразу возненавидел МАЗы всех модификаций. Проскочив через сплошную полосу на свою сторону, я пробормотал со вздохом:

– Ну вот и я внес свою лепту в борьбу с детской порнографией.

Торкесса спросила уличающе:

– Так ты демократ или не демократ?

– Еще не полностью, – признался я. – Вот выдавлю остатки зачатков совести, а также ошметки понятий о верности и прочих недемократических химерах, вот тогда стану в их ряды... Держись крепче! Нас пробуют взять в клещи.

Я сцепил зубы, уперся в сиденье, в черепе всплыла мрачная мысль: ну, гады, вот теперь я вам покажу, что у нас национальный вид спорта – езда на желтый свет. Кто не рискует, тот не лежит в гипсе и того не хоронят в гробу из красного дерева.

– Держись, – повторил я. – Где наша не пропадала! Везде пропадала... Пора брать реванш!

Я вел на предельной скорости, проскакивал между большегрузными грузовиками, а когда впереди начал привычно разворачиваться трейлер, проскочил в узкую щель за секунду, как сузилась еще. За спиной лязгнуло, заскрежетало, полыхнуло жарким огнем, словно раскаленный метеорит ударил в офис Сибнефти.

Я часто смотрел по жвачнику городскую хронику, где всегда подробно и со вкусом, привлекая зрителей, показывают все автокатастрофы, их только по Москве не меньше ста в день, погибшие исчисляются десятками, а раненых сотни, разбитые вдребезги авто смотрятся шикарно. Любой с жадным любопытством смотрит на смятые в лепешку мерсы, расхреняченные бээмвэ, сплюснутые джипы, на кровь на выбитых стеклах, на искореженное железо, но ни разу я не видел, чтобы машины загорались при столкновениях хоть лоб в лоб, хоть от удара о столб, хоть из-за падения с эстакады... однако сейчас все до единой машины взрываются так, будто каждая является замаскированным бензовозом, перевозящим контрабандный бензин из Ирака.

Нас то и дело догонял вал огня, стена пламени всегда такая ослепляюще жаркая, что я успевал увидеть на домах отпечатавшиеся силуэты, особенно меня поразил силуэт девочки, играющей с мячом: испепеляющий жар превратил их в пепел, оставив на стене лишь негатив с застывшим сверху мячиком.

Сзади грохотало, лязгало, а ударная волна то и дело пыталась вырвать руль, я отчаянно крутил во все стороны, хотя по-прежнему мчимся по идеальной прямой. Торкесса охрипла

визжать, то смотрела на меня круглыми глазами, то оглядывалась на преследователей, и тогда глаза становились вовсе квадратными.

– Нам не оторваться, – прошептала она, – их слишком много...

– Не бойсь, – ответил я мужественно и провел ладонью по небритой щеке, там за эти полсуток отросла уже настоящая двухнедельная щетина. – Уж теперь мы этим гадам покажем!

Она спросила жалобно:

– Уверен?

– Да!

– По...чему?

Я бесстыдно улыбнулся.

– Ты же девственница, если не брешешь?

Она вспыхнула до корней волос, гордо выпрямилась.

– А какое это имеет значение?

– Огромное, – заверил я, – решающее. До тех пор, пока не затащишь в постель, мы – неуязвимы!

ГЛАВА 7

Ее прекрасные глаза стали вовсе в виде перевернутой трапеции, я мужественно улыбнулся, показал все сто белых безукоризненных зубов, но в душе копыхнулся гадкий червячок неуверенности. Если по стандартам, то да, неуязвимы, даже прическу не попортят, но находятся всякие там тарантины, что ломают устоявшееся, где, как в старой доброй опере, заранее все известно, а увидеть себя с вывалившимися в грязь кишками что-то совсем не хочется.

Впереди слева от дороги начал вырастать высокий цилиндр из железобетона, я насчитал двенадцать этажей, позавидовал, в этом Южном Бутове все с размахом, таких гаражей нет даже в Китае, резко повернул руль, успел проскочить между потоком встречных машин, ибо автомобилисты хоть и должны держаться вместе, но на расстоянии друг от друга, на большой скорости влетел на узкую полосу, та по спирали повела вверх.

Торкесса вскрикнула испуганно:

– Там у входа красный фонарь!

– Что, – удивился я, – и здесь?

– Нет, это значит, навстречу кто-то едет!

Я отмахнулся:

– Это скорее значит, что кто-то собирается выезжать. Русские ездят быстро, но запрягают долго.

Машина наматывала круг за кругом, поднимаясь с этажа на этаж, на каждом мы проскакивали мимо приглашающе распахнутых ворот, под ярким светом электрических ламп блестят дорогие автомобили, и снова узкая дорога по спирали между бетонных стен. Торкесса все оглядывалась, вскрикнула тревожно:

– На стене блеснуло фарами!

– Догоняют?

– Нет еще, но не все разбились при погоне...

– Так и должно быть, – объяснил я. – Все по Дарвину. Отсев по дурости, неумелости, невыученным урокам, злоупотреблению спиртным, бабами, карточными играми...

– Баймами, – вставила она.

– Баймы не трожь! – отрезал я строго. – Они как раз и способствуют таким вот навыкам.

Где, по-твоему, я научился на автомобиле, если у меня его отродясь не было?.. И самолет так же подниму, отбомблюсь, собью пару стелсов и благополучно сяду на любой авианосец, даже если он с коврик для моей собаки... Держись, самое интересное!

Последний этаж, дальше только запертая на большой висячий замок решетчатая дверь на чердак, я повернул руль, мы влетели в просторнейший паркинг, машины чинно по кругу под внешней стеной, огромные окна от самого пола освещают их самым выгодным образом. Другие автомобили выстроились по малому кругу вокруг внутренней стены. Между ними широкая полоса для разворотов и встречного движения, в этом Южном Бутове все по высшему современному классу, не то что у нас в боярском Центре, не учел Иван Грозный, что его церкви да колокольни мешают автодвижению.

Я осторожно повел машину по кругу, прикидывая, как лучше встретить противника.

– Вот они! – вскрикнула торкесса.

В ворота въезжали одна за другой три черные машины с затемненными стеклами. Выход отрезан, мы в ловушке, торкесса жалобно запричитала, наверное, о своей девственности. Я быстро прикинул шансы на прорыв, честно говоря, ничтожные. Автомобили тем временем остановились, из двух вышли крепкие ребята в черных плащах, в руках автоматы и пулеметы.

Я газанул, машина рванулась, я переключил скорость, торкесса в ужасе закричала, мы несемся со все возрастающей скоростью, сверкающее окно приближается немислимо быстро.

Треск, нас тряхнуло, в стороны разлетелись деревянные обломки оконной рамы. Острые градины стекла со звоном стучали по капоту, а мы вылетели с высоты двенадцатого этажа.

Торкесса визжала, не переставая. Я крутил бесполезный руль, мужчинам это придает уверенность, как женщинам глубокое декольте или серьги с крупными бриллиантами. Массивное здание, что напротив дороги, вырастает быстро, но что-то недостаточно быстро, мне бы еще километров двадцать выжать, да дорожка для разбега куценькая...

На какое-то мгновение показалось, что вот-вот машина клюнет носом и полетим вниз, как печальный лебедь, отпевший свою песню на бис, но здание напало на нас, треск, снова обломки оконной рамы, звон битого стекла, машина влетела в помещение, разнеся колесами и всем весом канцелярский стол с компом и плоским дисплеем, где в этот момент пятнистый человечек весь из себя стрелял в мужиков в ушанках с трехлинейками в руках. Какой-то клерк баймит в SpecOps, идиот, так его и надо, юсовского прихвостня, дави колабов, я уже всю кручу руль, избегая давить слишком много людей, чтобы не превышать процент допустимых потерь среди гражданского населения, но столы разносил вдрызг, задел даже автомат по продаже кока-колы, так им и надо, квасом бы торговали, никто бы не пострадал, да вообще здесь всех можно давить на фиг, в юсовской фирме работают, гады...

Помещение огромное, вместо стен перегородки из фанеры, а где и вовсе застекленные рамы. Мы неслись, все ломая, круша, разбивая, торкесса вскрикивала, однажды оглянувшись, глаза округлились.

– Милорд, один сумел перепрыгнуть тоже!

– Вот гад, – сказал я с сердцем, – мне можно. А он зачем...

Мотор ревел, я все разгонялся, торкесса завизжала:

– Что ты задумал?

– Мы на девятом этаже, – сообщил я, – напротив семиэтажный дом с плоской крышей.

Если хорошо разгонимся...

На этот раз разогнались в самом деле великолепно, как на треке. Стеклопанельная стена разлетелась хрустальными брызгами, как поверхность залитого солнцем озера, куда швырнули камень, мы снова вылетели из здания.

Торкесса завизжала. Я похолодел, сразу понял, что перепутал правое с левым. Нужно мне здание находится с другой стороны! Мы пронеслись по огромной дуге, далеко внизу крохотные фигурки останавливаются и задирают головы, привлеченные треском выбитых окон. Кто-то ухватился за фотоаппарат, спешит сколотить состояние, сейчас фотоаппараты у всех прямо в мобильниках, все дело в том, кто быстрее передаст по емэйлу в редакцию и запустит в новостном выпуске...

Машина начала накреняться, это жутковато, мы несемся все еще по дуге, но дуга все круче и круче... Внизу быстро вырастают аттракционы аквапарка, я воспрянул духом, стал балансировать на сиденье, выравнивая машину, заставляя воздушный поток поддерживать под днище и смещать в нужном направлении.

Мелькнули поручни, тряхнуло, подбросило, машина едва не выскочила из желоба, но уже понесло по спирали. Торкесса визжала, молодец, все правильно, на этом аттракционе всегда визжат, иначе зачем деньги тратили, справа и слева что-то мелькает, страшно скрипит, гукает, вспыхивают огни, а страшные динозавры раскрывают пасти и делают вид, что собираются схватить. Неплохой аттракцион, особенно на халяву.

– Серая спираль, – заявил я, удерживая руль.

Нас с силой прижимало то к левому, то к правому борту, ремень безопасности трещит от натуги. Торкесса перестала визжать, ошеломленная моим спокойствием.

– Что?

– Серая, говорю. Зеленая, красная и черная – ведут в воду. Видишь бассейн? Черный желоб – самый страшный! Там еще и раскручивает, прежде чем швырнуть. А серая спираль сейчас...

Спираль все суживалась, центробежная сила прижимала к стенке, но там зацепиться не за что, в этом покрытом пленкой туннеле обычно с визгом несутся полуголые тела жаждущих испытать острые ощущения, я напрягся и крепче уцепился за руль, впереди блеснул солнечный свет, машина вылетела с разбегу, пролетела по воздуху два-три метра и приземлилась на все четыре колеса.

Шагах в пяти полыхал, как огромный коктейль Молотова, роскошный даймлер с затемненными стеклами. Неведомая сила сплюснула незримым прессом, из разбитых окон и дверей высунулись двумерные руки, обгорающие в прекрасном CD огне. Нам хватило инерции, чтобы взрыхлить песок и вырваться на простор, впереди красиво уложенные широкие плиты, еще дальше асфальт, я переключил скорость, мчались, сшибая мусорные бабки, водоразборные тумбы и столики с цветами и тортами. Торкесса прокричала в ужасе:

– Да когда же это кончится?

– Шлагбаум! – прокричал я.

– Что?

– Шлагбаум! – крикнул снова я. – Мы должны еще успеть проскочить перед опускающимся шлагбаумом! Чтобы поезд отрезал их от нас!

Она заорала раздраженно:

– За нами уже никто не гонится!

– Точно?

– Ты что, не видел их?

Я крикнул:

– А, это они приземлились чуть раньше нас, минуя желоб?

– Да, какой ужас!

– Труп врага всегда хорошо горит, – ободрил я ее мужественно. – Держись, иду на обгон!

Она огляделась, даже высунула голову в окно, долго смотрела на машины, привлекая всеобщее внимание. Сказала сердито:

– За нами никого нет!

– Уверена?

– Да, – отрезала она. – Ты всех их угробил... какой ты жестокий!

Я несказанно изумился:

– Это обо мне? По-моему, они сами разбивались, сталкивались, недопрыгивали... или прыгали мимо. Я только убежал, как зайчик. Маленький такой белый и пушистый зайчик. Но ты, Екатерина, не права...

– Я не Екатерина!

– Да это я из песни... У меня настроение такое романтическое, песенное. Ты не права, что никто не гонится. Мобильников у них нет, что ли? Наверняка на хвосте три-четыре машины. Потому и надо до самого шлагбаума, это неизбежно, как восход солнца... Чем ночь темней, тем ярче звезды, да будет солнце, пусть всегда будет мама, да сгинет тьма!

Она торопливо вытащила из бардачка карту, полистала, я все наращивал скорость, шел на опасные обгоны. Наконец она воскликнула раздраженно:

– Откуда здесь шлагбаум? Здесь поезда никогда не водились!..

– Должен быть, – ответил я упрямо. – Обязательно будет. Нельзя без шлагбаума. У тебя устаревшая карта. И вообще инопланетная. Наш мэр в кепочке всегда что-то придумает...

Она некоторое время молчала, только хваталась крепче за сиденье. Лицо бледнело, она с силой потерла виски, помассировала уши, задышала глубже, стараясь успокоить нервы. Вдруг на лице проступило выражение сильнейшего недоумения.

– Постой, как это поезд отрежет их от нас? Разве не мы гонимся?

– Точно? – переспросил я.

– Да... ведь мы должны найти босса нашей команды, которого похитили?

Я раздраженно ответил:

– Меня тоже так потрянуло, что в голове перемешалось. И вообще, с этой погоней в крови быстро забываешь, кто за кем... Впрочем, так ли уж это важно? Но тогда разнесем шлагбаум и тоже успеем. Именно перед самым-самым носом несущегося на полной скорости локомотива.

Она вздрогнула, плечи зябко передернулись.

– Ну, знаешь ли... А нельзя ли прибавить скорость?

– Да хоть прибавить, – ответил я, – хоть убавить – все равно перед самым носом, а уж он мчится дай боже!

– Да, – сказала она несчастным голосом. – Видела я ваши чудовищные самые поездатые поезда. Если такой наскочит, то перекаренит наверняка...

– Если перекаренит, – ответил я сурово, – то мы, значит, не герои. Героев поездом не давят!

Она вроде бы подбодрилась, женщины всегда черпают энергию в нашем мужестве, не догадываясь, что мы сами исподтишка черпаем силы в самом их присутствии. А я подумал невесело, что поезда давят и героев. И не всегда только черношляпных.

Железнодорожный переезд показался почти одновременно с движущимся на огромной скорости поездом. Я выжимал из двигателя все, что удавалось выжать, поезд огромный, тяжеленный товарняк, несется, как будто в ад, там вагонов сто, если не тысяча, жуть, торкесса сблелнула и закрыла глаза, да еще и сжалась в комок, став размером с не самого крупного микроба.

– Ну, – сказал я вслух, – держись!

Земля трясется, поезд предостерегающе загудел, шлагбаум давно опущен, но я с силой вдавил педаль газа в пол, машина не мчится, а летит, треск – это красиво вспорхнули обломки шлагбаума, Оскара за постановку... ну хотя бы Нику, торкесса открыла глаза, любопытная, и тут же в смертельном ужасе зажмурилась, ибо мы как раз на переезде, а поезд вот он, бьет нас огромной стальной головой...

Слегка потрянуло, мы понеслись по пустынному шоссе, а поезд с тяжелым грохотом несется там за спиной, отрезав преследователям путь, закрыв им дорогу, спасая нас, как всегда спасал беглецов, где-то карауля и как-то узнавая, когда и в какой момент нужно выскочить, развить чудовищную скорость и успеть отрезать от погони.

– Задел... – прошептала торкесса в ужасе, – он нас задел!

– Да, – согласился я. – Помню, как в прошлый раз... нет, в один из позапрошлых, он был тогда симплицийскими скалами и тоже успел расщепить доску из кормы моего «Арго»... А сейчас что, сорвал номер?

– Не вижу, – ответила она, – почему-то не вижу.

– Странно, – сказал я. – Ладно, сделаем вид, что гоним в ремонт.

Тоненько пропищал мобильник. Я машинально похлопал по нагрудному карману рубашки, пусто, похлопал по другому, тоже нет, вспомнил, что я обнажен до пояса, а рубашка моя на торкессе, пощупал карманы на ней, она замерла и уставилась на меня испуганными глазами. Я ощутил, что в кармане ничего... конечно, я бы не сказал, что совсем уж ничего, но так можно и по морде схлопотать, торкесса вскрикнула, я едва успел вывернуть руль. Мимо пронесся встречный многотонный грузовик. Мелькнуло белое лицо водителя, даже не понимаю, как я в самый последний миг крутанул руль, все же нас чуточку потрянуло, противно чиркнуло.

– Надеюсь, застрахована! – прокричал я.

– О чем ты? – спросила она шепотом.

– Там царапина вдоль борта, – объяснил я. – Баксов на триста!

Она смотрела непонимающе, из ее наручных часов все так же доносился скрипящий голос, наконец торкесса опомнилась, прокричала:

– Мы на Окружной!..

Из часов донесся деловитый голос:

– Где?

Я взглянул на проносящиеся мимо знаки.

– Между Котельниками и Белой Дачей!

– Перестраивайтесь в крайний правый ряд, – послышался голос из мобильного громче. – Там вскоре съезд на Верхние поля. Побыстрее, буду ждать у пруда.

Она взглянула на меня с надеждой. Я буркнул:

– Это труднее...

Она завизжала, пришлось резко бросить машину к разделительному бордюру, едва избежали столкновения с КамАЗом, чиркнулись бортами с джипом, подрезали ладу, пугнули волгу и проскочили, задев железобетонный барьер, на свою сторону. За спиной слышался привычный грохот, лязг, в небо рвались столбы оранжевого огня, взлетали сорванные крылья, бамперы, дверцы и части водителей.

Съезд буквально на той стороне, я устремил машину едва ли не поперек шоссе, какое же оно широкое, а казалось, узкое, особенно в пробках, справа и слева сигналият, матерятся, но мы успели, дальше изогнутая красивой дугой дорога вывела на Верхние поля, а через пару минут торкесса закричала:

– Вот он, притормози!

К бордюру вышел невысокий человек в грязном поношенном свитере, волосы в беспорядке, лицо сонное, недовольное, сразу видно – наш человек, такой классическую музыку слушать не станет. Я остановил машину, он тут же ввалился на заднее сиденье, буркнул хриплым пропитым голосом:

– Меня зовут Кваргом. А теперь лучше всего на Ставропольскую. Они пытаются перехватить на Верхних полях. Странно, почему не задействовали всех? Особенно Пурнеля, Рокси, Озагунда и Л-четырнадцатого.

Торкесса сказала мстительно:

– А они уже догорают! Кто где. В разных весьма местах. А Л-четырнадцатый так и вовсе вылетел, аки птица, через разбитое окно...

– Он жив? – спросил Кварг с беспокойством. – Или только прическу попортил?

– Да, – ответила она с сарказмом. – Попортил! Если можно не попортить, когда на скорости в сто восемьдесят сталкиваешься с большегрузом. Потом еще лопаешься под колесами того же грузовика. А их у него как у сороконожки! А потом и под колесами всей колонны... Я уж не упоминаю о такой мелочи, что вылетел через лобовое стекло вообще без головы...

Кварг с заднего сиденья удивленно хрюкнул:

– Редет их агентура, редет.

От него пахло пивом, он взрыгивал, чесался, потел, что значит в доску свой, такой не будет посещать балет, слушать Баха и читать Камю, как делают все маньяки, злодеи и вражеские шпионы.

Торкесса сказала:

– Успеваем перехватить Илельну?

– Нет, – сказал Кварг со вздохом. – Она сейчас уже на Волгоградском.

Я поинтересовался:

– А куда она должна попасть?

– На Новорязанское шоссе, – ответил он несчастным голосом.

Я молча добавил газу. Торкесса вскрикнула, мужик беспокойно задвигался, когда мы на скорости в сто семьдесят проскочили под широкой полупрозрачной трубой перехода, где предостерегающе мигают огоньки: «Ограничение скорости – 100 км»... «Ограничение скорости – 100 км».

Кварг спросил с беспокойством:

– Не слишком ли...

– А мы что, – спросил я, – не джигиты? Новичок, да?

– Да, – ответил он настороженно. – А чем я себя выдал?

– Дык кто же соблюдает правила? – изумился я. – Они ж для того и висят, чтобы инопланетянам головы душить! Поверит такой, поедет по правилам, а его тут наша контрразведка и цап за шиворот: ты чего, гад, крадешься?

Они заговорили между собой вполголоса, очень встревоженно, я все наращивал скорость, шел между крайним левым и соседним рядом, играл в шахматку, постоянно обгонял, подрезал, проскакивал, проныривал, совсем задурил обоим головы, в какой-то момент раздался дикий крик за моей спиной:

– Вот она!.. Вот!.. Вон в той колеснице серебристого цвета!

Я присмотрелся, кивнул:

– В мерсе, понятно. Значит, красивая... Это жены у мерсовиков – уроды, зато девки...

Идет шибко, но ничего, догоним.

Торкесса посмотрела на меня злобно. Кварг согласился:

– Исключительно красивая.

Торкесса посмотрела на него еще злобнее, что и понятно, все мужчины должны говорить только о ней, женский ум не в состоянии понять такой непостижимой вещи, что во Вселенной могут встретиться мужчины, которые совершенно равнодушны к ее внешности. Хотя, если говорить правду, в отношении торкессы таких надо искать где-нибудь за пределами Вселенной.

– Прижать к бортику? – предложил я деловито. – Впереди мост. Можно так прижать, что вылетит вместе с машиной. Или по частям.

– Давай, землянин, – сказал Кварг кровожадно. – Если бы ты знал, сколько она у нас лучших агентов извела!

– Галактических?

– И галактических, и метагалактических, и параллельных, и подпространственных, иномерных, макросных...

Я вздрогнул, зябко повел плечами:

– Что, все эти... двухголовые? В смысле, инопланетные?

Он сказал с поблажливостью, даже поблажливо:

– Вы даже не представляете... даже не представляете, сколько на этой крохотной планете... скажем, неземлян!

– Сколько? – спросил я довольно глупо. Потряс головой, спросил иначе: – А чего они, а? Медом намазано? Халява наклюнулась?

Торкесса, мстя за невнимание к ее красоте, в великом презрении сдвинула хрупкими плечиками:

– Если возмечталось, что все из-за вас, дорогой граф, то выбросьте эту блажь.

– Но ведь вы...

– И я, – сказала она с неохотой, – и Кварг, и даже Индельв, а может быть, даже еще с двести сотни агентов здесь из-за вас... Вы, несмотря на свою дикость, очень важны нашей Всегалактической конфедерации. Но остальные ищут совсем другое. Для них наша Галактика...

Кварг вставил с невеселым смешком:

– Эта.

– Что? – переспросила она.

– Эта Галактика, – пояснил он. – Мы говорим «наша Галактика», а они...

В его пропитом голосе ясно слышалась зависть. Торкесса кивнула:

– Да, для них эта Галактика – песчинка! Древнейшие из преданий Вселенной говорят, что именно на Земле хранится краеугольный камень, из которого пошла Вселенная. И если его достать...

Она запнулась, а я, не отрывая глаз от преследуемого мерса серебристого цвета, спросил с холодком по спине:

– И что? Вселенная рассыплется?

– Нет, – ответила она, побледнев, но с нерешительностью в голосе, – это трудно объяснить... С этим камнем связано чересчур многое. Известно, что Творец создавал мироздание именно с этого ныне заброшенного уголка Вселенной. Здесь, по легендам, заложил краеугольный камень, здесь произнес Слово, отсюда все началось... Дальше он создавал Вселенную, уже держа перед глазами первый неудачный образец, остальные миры получались все удачнее и удачнее, все ярче и богаче, насыщеннее красками, чувствами, возможностями, свободой от многих физических законов, невысказанной здесь...

Кварг хмыкнул:

– Ты забыла упомянуть о ереси.

Торкесса отмахнулась:

– Ересь на то и ересь, чтобы даже не упоминать.

– Но это не простая ересь...

В его хриплом голосе звучал намек, я спросил живо:

– Лилея, ты чего темнишь?

– Ничего не темню, – отрезала она сердито. – Ересь возникла совсем недавно, потому и не заслуживает упоминания. Ее, возможно, скоро забудут даже без особых расстрельных мер... Безумцы утверждают, что именно в первом творении Создатель выразил себя в полной мере, что скупость и лаконичность его трехмерного полотна вовсе не говорят о недостатке фантазии, это мы недопонимаем его гениальность... словом, полный бред, но, когда тонешь, хватаешься и за гадюку, верно?

Я наконец проскользнул между последними машинами, что отгораживали нас от серебристого мерса, это три черных джипа с затемненными стеклами, поднял руку к плечу и пошевелил пальцами. Кварг спросил тупо:

– Что?

– Либо начинай стрелять, – объяснил я, – либо дай мне пистолет. Или что там у тебя?

Торкесса вмешалась живо:

– А земное оружие не подойдет? У нас же есть пистолеты!

– Есть, – согласился я кисло. – Но я думал, что у вас что-то особенное...

Я опустил стекло, высунул руку с пистолетом и пару раз выстрелил по колесам. Кварг взвизгнул за спиной:

– Что ты делаешь?

– А что? – спросил я в недоумении.

– Здесь же... здесь же полно людей! А дорожная полиция?

Я отмахнулся:

– Здесь братки постоянно устраивают перестрелки. Все привыкли. А милиция, как известно, никогда не оказывается там, где нужна.

Торкесса сказала ядовито:

– Зато оказывается там, где не нужна. Не этот ли случай?

– Резонно, – признал я. – Но рискнем еще чуть...

Я выстрелил снова, мерс вильнул, пересек по косой оставшиеся четыре полосы и, перемахнув через бетонный бордюр, понесся под крутой откос. Я тут же, рискуя подставить пра-

вый бок, свернул тоже, остановил машину на обочине. Все трое выскочили, успели увидеть, как мерс много раз переворачивается, упал с обрыва, полыхнул могучий взрыв, взвился столб огня, будто рванула бензиновая емкость размером с Лужники. Мы отшатнулись, лица опалило огнем, воздух наполнился гарью, словно горит озеро напалма.

Мы отступили за машину, прикрывая лицо ладонями. Кварг перекрестился, сказал с сожалением:

– Господи, прими ее душу... Враг, но все-таки какой красивый был враг...

– Почему был? – удивился я. – Она выскочила на ходу, спряталась во-о-он за теми камнями!

Он удивился:

– А вы, сэр, откуда знаете? Цыганка нагадала?

– Элементарно, Ватсон, – ответил я. – Элементарно, как два байта переслать. Все всегда так делают!

ГЛАВА 8

Он покосился на меня с глубочайшим уважением, а когда начал спускаться, из-за нависающих камней в самом деле выскочила женщина и, петляя, побежала через гряды. Он охнул, схватился за пистолет, однако женщина перескочила через заборчик и скрылась. Торкесса вскрикнула горестно, а Кварг обернулся и уставился на меня белыми от бешенства глазами.

– Вы все знали? Вы знали?

– Есно, – ответил я. – Так всегда делается.

– Даже всегда?

– Как Бог свят.

– Но почему... почему не стреляли?

– Зачем? – удивился я. – Я не могу убивать женщин, а мои рефлексы таковы, что бью влет только на поражение... Пусть улепетывает, приведет к боссу.

Он спросил уже с уважением:

– Вы что, успели ей маяк нацепить? Где-нибудь... кхе-кхе, на невидном месте?

Торкесса посмотрела на меня негодуя, я поспешно мотнул головой:

– Какой маяк? Достаточно интуиции! Будто не знаю, какой у нее размер лифчика!.. На этом вы, инопланетяне, и ловитесь, а настоящий мужчина сразу определяет, что там и какое под платьем. Ладно, садитесь в машину. Кстати, в этой стране никто не представляется сразу, как сделали вы. Сперва долго разговаривают, а потом, когда надо имена употребить, вспоминают, что не познакомились, а теперь уже спрашивать неловко... И потом долго мнутя, переживают, комплексуют, интеллигенты хреновы!.. И еще вы перекрестились слева направо, как будто католик недобитый, мало вас Наливайко, Хмельницкий и Петлюра резали, здесь же крестятся только справа налево. Вот так и ловитесь, шпиены... Я уж не прошу выговорить «кукуруза»! Вы б там додумались еще негра прислать...

Понурившись, они вернулись в машину, я сел за руль, с крайней правой полосы перебрался в левый ряд.

С Окружной съехали пару часов назад, шоссе становилось все хуже, заброшеннее, наконец свернули вовсе на проселочную дорогу, пошли ухабы, нас трясло, подбрасывало, торкесса прикусила язык и обиженно умолкла. Небо темнеет, я включил фары. Два ярких луча осветили впереди жуткую разбитую колею, а по обе стороны сразу как будто завесили черным одеялом.

Торкесса совсем притихла, едем в абсолютной тьме, глаза медленно начали привыкать, по сторонам проскакивают одинокие деревья, а те, что подальше, проплывают медленно и с королевским достоинством. Свет впереди подпрыгивает, то высвечивает дорогу в шаге от передних колес, то пытается осветить далекие звезды и туманности.

Кварг сверился с картой, я видел, как жутко напрягся его затылок, по моей спине побежали крупные мурашки.

– Уже скоро... Минут через десять придется оставить машину.

– Пешком? – спросил я недовольно.

– У них радары, – объяснил он. – Все-таки военная база. Высшей секретности!

– А какова форма допуска? – спросил я.

Он покачал головой, лицо стало несчастнее некуда.

– Никакой, – ответил он убито. – Никто не смеет покидать базу. Никто не смеет заходить. Даже инспекции только по телефону с выключенными экранами, а операторам приказано общаться измененными специальными программами голосами.

Я сбавил скорость, через десять минут съехали на обочину, Кварг показывал дорогу. В самой чаще машину загнали в кустарник, я забросал ее ветками и оставил с включенным

мотором на случай, если возвращаться придется... очень быстро. Кварг кивнул, приглашая полюбоваться на старенький жигуленок, что сиротливо затаился под пихтой, словно голодный олень, прячущийся от дождя.

– Как вам эта машина?

– Серенькая, – сказал я, – неприметная... Верно?

– Да, – согласился он. В голосе звучало глубокое уважение. – Именно из-за этого она и здесь.

Он подошел ближе, нажал на брелке кнопку, с легкими щелчками открылись все замки, отключилась сигнализация, а крышка багажника открылась с такой прытью, словно курсант вскакивает перед генералом. В серебристом лунном свете тускло блеснули плотно уложенные стволы автоматов, пулеметов, гранатометов и ровные ряды гранат.

– Я зайду с тыла, – сообщил он. – Открою огонь...

– Понятно, – прервал я нетерпеливо. – Отвлекающий, а мы с торкессой прорвемся там, где ну никак не ожидают: прямо в главные ворота. Но ты уверен, что вашего генерала привезли именно сюда?

– Здесь их база, – ответил он хмуро. – Они ее маскируют под секретный военный объект, но на самом деле это база Петушки. Там в подвале суперкомпьютер! Если в него заглянуть, увидим все их тайны...

– Заглянем, – пообещал я. Вспомнил, что Бог наглых не очень-то любит, хотя и выпустил нас немало, это чтоб караси не дремали и человечество не погибло от сонной болезни, добавил смиренно: – Если сперва не повзрываем там все...

Он взглянул с уважением.

– Знаете, если выбирать между жизнью нашего резидента и доступом в их компьютер...

– Не продолжайте, – остановил я. Улыбнулся. – Незачем, мы ведь понимаем друг друга?

Он взглянул мне в глаза, зябко передернул плечами и пугливо уронил взгляд:

– Боюсь, что понимаю.

Я махнул рукой:

– Жаль, машину нельзя, а то бы на ней... Ладно, действуй.

Он нагрузился оружием, став похожим на универсальный магнит, к которому наприлипало не только железо, улыбнулся нам грустно и растворился в темноте. С той стороны в небе светят красные звезды, но я вспомнил, что в нашем небе только одна красная, да и то не звезда, а планета – Марс, остальные же похожи на осколки льда, так что эти красные звезды – всего лишь сигнальные лампочки на сторожевых вышках, никаких кашпировских.

Небо прорезал яркий слепящий свет, я невольно закрыл глаза и прижал торкессу к земле. Хотя мы далеко за деревьями, никто нас не узрит, но переход от тьмы к яркому свету ударил по глазам, как кувалдой. Торкесса часто задыхалась под моей рукой, я на всякой случай пощупал, на что это так надавил, но вроде бы все в порядке, на плечо, неужели у нее там эрогенные зоны размером с теннисный корт, ну прямо натурщица Пикассо...

Она прошептала едва слышно:

– Там охрана...

– Как же без нее?

– Их просто сотни!

Я кивнул, напыжился, вздул мышцы и принял мужественный вид, лежа с упором. Кому, как не мне, знать, что любую секретную и сверхсекретную базу охраняют слепые и глухие креатины, которые только и умеют, что подпрыгивать на три метра, когда стреляют в их сторону, сами же непрерывно палят холостыми патронами в небо, каждого легко перешибить хоть соплей, хоть взглядом, мало-мальское сопротивление оказывают только босс и его секретарша, красивая и злобная тварь, убивать женщину вроде бы рука не поднимется, вот она и...

– Прорвемся, – ответил я исполненным безумной отваги голосом и выпятил оквадраченную челюсть.

– Я хотела бы... – сказала она жалобно, я торопливо зажал ей рот, она вытаращила глаза, начала в испуге отбиваться. Я продолжал зажимать ей рот, она ухитрилась укусить меня за ладонь, наверное, зубы умеют выдвигаться, я с проклятием отдернул руку и прошипел зло:

– Умолкни, дура!.. Ты всех погубишь!.. Но сперва погибнешь сама!

Она вытаращила глаза, спросила с враждебностью:

– Почему это?

Я сказал настойчиво:

– Запомни один из самых краеугольных законов! Стоит тебе упомянуть... мне или кому-то другому, что именно ты хотела, что планируешь достичь в жизни... стоит начать строить планы, вспоминать о любимых – и ты обречена. Самое опасное – вытащить фотографию семьи и показать кому-нибудь. Мол, вот меня ждут жена и дети, а когда я вернусь, то стану умной и красивой...

Она помолчала, ответила рассерженно:

– Я и так умная и красивая. Ладно, если на этой планете такие странные законы... Но меня не ждут жена и дети. Я вовсе не самец, как ты мог бы заметить, если бы не был так уж упоен берсеркизмом. А щит ты грызть умеешь?.. Ой, че это?

Она с отвращением смотрела, как я раскрыл коробочку с кремом для обуви или гуталином и зачерпнул полную горсть.

– Зачем?

– А вот зачем...

Она завизжала и начала отбиваться, но я удержал, вымазал хорошенькую мордочку гуталином так, что остались только розовые кончики ушей. А потом и те зачернил, чтобы не светились в темноте чистотой и непорочностью.

– Какой же ты, – сказала она с сердцем, проглотила то, что вертелось на языке, добавила со вздохом: – предусмотрительный... Настоящий наемник.

Я встал, отряхиваться не стал, мужчина должен быть слегка неряшлив, вернулся к арсеналу в багажнике жигуленка. В том же призрачном лунном свете матово блестят недавно смазанные пистолеты, автоматы всех систем, гранатометы, снайперские винтовки, стингеры, гранаты, взрывчатка, пулеметы, а в отдельном ящике, как указывает надпись, бронежилеты всех степеней защиты, бронедоспехи, сервомеханизмы, различные шпионские штучки, наподобие безобидных с виду авторучек, что стреляют усыпляющими пулями, вспарывают стены лазером, служат прожектором, а при необходимости их можно ставить на время, как небольшие атомные бомбы.

– А вот это специально для тебя, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос прозвучал нежно. – Женщин надо беречь.

Она с ужасом косилась на кевларовый бронежилет. Я вообще-то из жалости выбрал третий номер, хотя мог бы и восьмой, в восьмом можно в открытый космос, в третьем же удается двигаться и даже ходить.

Она взмолилась:

– Может быть, я могу хотя бы без... без этого?

– Надо, – сказал я. – Он спасет тебе жизнь. Не единожды.

– Каким образом?

– Это не простой жилет, – объяснил я. – Вроде бы стандартный, верно? Но может выдержать попадание из танкового орудия или противотанковой ракеты. В то же время его можно легко пробить алюминиевой вилкой.

Она сделала большие глаза:

– Это... как это?

– Все зависит, – объяснил я загадочно, – от того, на ком надет.

– Не поняла...

– И не надо, а то потеряем драйв. Готова? Пошли.

Честно говоря, я сам еще не понял, будет ли он на торкессе крепче титанового корпуса звездолета или же уступит папиросной бумаге, знаю только, можно сказать даже – по опыту, что виденные мною раньше бронезилеты вели себя весьма странно.

Она шаталась, как былинка на ветру, когда я надевал на нее эти доспехи, защелкивал, состыковывал, закрывал и сращивал, так что оказалась в конце концов как в скафандре высшей защиты, что надевают летчики-стратосферники на случай приземления в Пермской области или на Марсе. Впрочем, спереди предусмотрены две выпуклые полусферы обтекаемой формы. Явно для того, чтобы пули скользили и уходили в стороны.

– Это все мне нести? – спросила она обреченно. – А не лучше подождать подкрепления?

– Враги успеют уйти, – ответил я сурово.

– Почему? – спросила она жалобно. – Они не знают, что мы здесь...

– Но понимают, – объяснил я сурово, – что даже тысяча опытных бойцов их не спасет, когда за дело беремся мы.

Она вздрогнула, когда я сунул в руки гранатомет, потом нацепил на ее же плечи по автомату, к поясу подвесил с десяток гранат, еще два десятка положил в ранец, что заботливо укрепил на ее хрупкой спине, а также вооружил миниганом, снайперской винтовкой и десантным ножом.

– Это все... понесу я?

– Да, – сказал я непреклонно. Рифленные желваки заиграли на моем суровом лице. – Сначала стреляй по воротам базы из гранатомета, он шестиствольный, а когда навстречу выметнутся на джипах гады, первые машины подбей из него же, остальных положишь из этого крупнокалиберного... Если вертолет появится, бей из стингера, поняла?.. Возьми про запас еще два... Когда в минигане заряды кончатся, хватай автомат. Сперва калаш, а когда и его опустошишь, можешь из узи, их две штуки, но можешь взять еще... Не забывай про гранаты. Когда все кончится и даже пистолет красиво отбросишь в сторону, придется ножом...

– О, – сказала она с отвращением, – я дома никогда курицу не могла зарезать!

– Так то курицу, – сказал я с сочувствием, но суровые желваки заиграли уже по всему моему лицу. – Курицу и я бы не смог. А ты должна мочь, ты же эта самая... как тебя... торкесса!

Я поднялся, она все не могла оторваться от земли, я с усилием приподнял ее за плечи. Впечатление было таким, будто отрывал от земли танк. Ее глаза внезапно стали подозрительными.

– А ты почему... так?

Я удивился:

– Что?

– Почему с одним пистолетом?

Я виновато развел передними конечностями:

– Понимаешь, иначе нельзя. Либо вот так, как ты... либо как я. Середины не бывает. Мы ж с тобой герои, верно?.. Это какой-нибудь коп еще может пойти с помповым ружьем... кстати, надо тебе добавить и это помповое, погоди... давай повешу на шею, а заодно и сумку с патронами к нему, да побольше-побольше... Мы можем только так. Либо с головы до ног, либо с одним пистолетиком. Встретимся в главном зале у центрального пульта!

Она прошептала, красиво округлив глаза:

– Не понимаю...

– Что? Где пульт?

– Да где пульт, все знают, а вот почему пистолет... даже пистолетик?

– Увы, – согласился я, – это сложно и вне логики, но именно пистолет помогает спасти мир, планету, а порой даже и Галактику. Уступает разве что кулакам и десантному ножу, но... но до них очередь еще дойдет. Вообще-то, пистолет на дистанции до километра... да-да!.. превосходит по мощи любую базуку, крупнокалиберный пулемет и гранатомет с ракетами теплового наведения. Непонятно? Мне тоже, однако это так. Дорогая, вся наша жизнь вне логики, даже вопреки! И это – прекрасно, ибо нелепо, как сказал Фома Неверующий... или Аквинский, не помню. У нас мудрецов много, умных мало. Ну, успеха тебе. Или, как говорят дураки и лодыри, удачи!

В полной темноте, пользуясь только очками ночного видения, причем в которых тоже ни хрена не видно, мы крадучись подбирались как можно ближе, наконец я прижал ее к земле, понуждая залечь, не лечь, а именно залечь, это совсем другое дело, вернее – позиция, указал на хорошо освещенные прожектором главные ворота:

– Видишь будочку справа? Туда набилось с десяток караульных. Хрен знает чем занимаются... Общечеловеки, у них все можно. Камасутровцы! Постарайся туда всадить первую же ракету. На ворота не траться, сами распахнут. Как только выметнутся на джипах, а то и на бронетранспортере – сразу же всади противотанковую. Вот она, не перепутай с тюбиком губной помады. Дальше поливай все из пулемета, но гранатометы держи рядом...

Я отползал, когда она жалобно спросила из темноты:

– А как я узнаю, когда начинать?

– Сигнал к атаке, – ответил я шепотом, – три зеленых свистка. Ладно, у вас стохастическое зрение, так что просто отсчитай ровно две минуты – и действуй. Как только потараканят к воротам, я простелфлю к центральному пульту и вырублю свет. А с ним и все электричество.

Ждать мне пришлось совсем недолго: с той стороны, где оставил торкессу, раздался могучий взрыв. Вспыхнуло зарево, успел увидеть на проводах и верхушках столбов ключья одежды и оторванные конечности. Тут же разгремелась беспорядочная стрельба, перешла в непрерывную канонаду. Теперь там горит, взрывается, бухает, то и дело к небу вздымаются столбы оранжевого огня, будто вспыхивает пожар на нефтешахтах. Из главного здания непрерывным потоком выбежали и мчатся крепкие мужики с автоматами в руках, с винтовками, пулеметами, гранатометами, а из бесчисленных гаражей вырывались джипы с открытым верхом, над кабиной крупнокалиберный пулемет, за рукояти держится крутой громила и непрерывно палит, а в кузове не меньше десятка головорезов.

Я продвигался с тыла, меткими выстрелами из пистолета снимая часовых на вышках, стражей на заборе, на воротах, в саду, на дорожках, а затем на подходе к главному сооружению.

На входе в парадные двери столкнулся с двумя в форме морских пехотинцев. Один белый, а второй, ессно, чернейший негр афро-американского происхождения. Белому я всадил пулю в лоб, он только успел вытаращить глаза и прохрипеть:

– Ты все олрайт?..

– Иногда и левой, – ответил я. – А то на правой уже мозоли.

Негр, не успевая схватиться за автомат, что болтается поперек пуза, замахнулся десантным ножом. Я сломал ему руку, это все фигня насчет необычной крепости негров, у них просто ума не хватает заниматься наукой, вот и прут в спорт, потом перехватил вторую и тоже сломал в локте, как сухую былинку.

– Итс фантастиш, – промычал негр тупо.

Я размозжил ему голову, брызнуло, тыква у него прогнила, как и вся их афро-американская Америка. Я пробежал торопливо в здание, выстроенное в колониальном стиле южных плантаторов. Это для поднятия духа их солдат, чтобы чувствовали, что в покоренной России должны вести себя, как их предки двести лет назад в самой Юсовии. Хотя да, это ж еще не юсовцы, а пока что мелкая прелюдия – инопланетяне...

В коридоре еще трое один за другим, я их смял на бегу, это в их кинах они такие крутые, а наяву всерьез уверены, что при одном их виде все будут падать. Мы и падаем, но от хохота.

Зачистив первый этаж, я занял удобную позицию и отстреливал через окно идиотов, что продолжали ломиться к раскуроченным воротам. Вернее, к той дыре, что осталась на месте ворот. Оттуда все еще доносятся торопливые очереди узи, это значит, что вся тяжелая артиллерия у торкессы закончилась, женщины в любом случае будут палить из гранатометов, даже если увидят муху. К счастью, у этих плантаторов тоже закончились бронетранспортеры, танки и джипы, а самим под пули лезть страшновато, самое бы время просить поддержки с воздуха, вакуумными бомбами или чем-то еще, но я уже успел разбить главную рацию рукоятью пистолета.

Я стрелял им в спины, демократы уверяют, что это вполне прилично, в духе свободы от условностей, ну так и получите эти самые свободы от условностей, пленных брать не буду, где-то у ворот торкессы палит в морды, затем я увидел ее быструю фигурку в одной моей рубашке, что как поземка несется мимо горящих бронетранспортеров, танков, перевернутых джипов, перепрыгивает через безобразно раскинутые трупы, только один лежит в красивой позе, лицо умиротворенное, благородное, явно один из тех, кого послали сюда насильно, а втайне нам сочувствовал, но ничего сделать не мог, политкорректность обязывает говорить и даже думать одинаково, шаг вправо и шаг влево – попытка бегства от демократии, пуля в затылок и газовая печь, потом некролог с прочувственной надписью, что погиб за демократию от руки звероватых русских.

Запыхавшись, выпалила на бегу:

– Ты как?

– Все окей, – ответил я. – То есть олрайт. Ты все истратила? Хотя бы десантный нож себе оставила?.. Нам осталось только прорваться в нижний зал, там сердце всей этой трахомудии.

– Трахо? – переспросила она с подозрением. – Я полагала, что трихо...

– Язык меняется, – нашелся я, нельзя, чтобы женщина брала верх, – как и нравы. У тебя гранаты еще остались?

– Только одна.

– Хватит, – решил я. – Прячься за моей широкой, как у тоталитариста, спиной...

– У тебя скорее, – сказала она язвительно, – как у демократа, широкая задница.

– Каждый выбирает свое, – ответил я. – Только не изотри ее поцелуями, пока тут чеку...

Зачем засадила так глубоко?

Она что-то шипела за спиной, но я широко размахнулся, гранату же выпустил из ладони мягким толчком по направлению к массивной металлической двери. Мы притаились за столом, раздался страшный взрыв. Комнату ослепило огнем и пламенем, полетели длинные шипящие искры, в воздухе запахло озоновой дырой. Я вжимал голову в плечи, рядом с грохотом и лязгом рушатся стальные конструкции, горящие рваные листы металла, воздух обжигает дыхание.

ГЛАВА 9

За спиной закашлялось, я оглянулся, торкесса смотрит ненавидяще. Я похлопал по спине, в руке рукоять пистолета, а мой револьвер быстр, кувырком влетел в дымящийся провал в стене, зубья металла блестят красиво и угрожающе, острые, как бритвы. В дыму полыхнули красные искорки выстрелов, пули просвистели над головой. Я тремя выстрелами поразил троих, кувырком прошел вдоль стены, отыскивая четвертого, но почему-то не нашел.

Сзади метнулась тень, я едва не спустил курок, ствол уперся в раскрытый в испуге рот торкессы.

– Какого хрена? – спросил я зло. Сердце колотится, как горох в погремушке. – Это такой овощ, покажу картинки.

– Зачем?

– Не знаю. Чтоб не думала, что это ругательство. Где этот чертов суперкомпьютер?

Она указала пальчиком:

– Вон там виднеется. Но ты перепутал дверь. Нужно было идти оттуда, перебить внутреннюю охрану, а потом захватить штат. А ты перебил персонал, как мы теперь справимся с компом? Зато...

Треск раскрываемой двери оборвал ее слова. Сквозь редящий дым видно, как широко распахиваются двери. В зал вбежали рослые люди в черных облегающих комбинезонах, в масках и с самурайскими мечами за спиной.

Торкесса испуганно вскрикнула:

– Их не меньше сотни! Это самые лучшие бойцы в Галактике!

– Ерунда, – ответил я сдержанно.

Она взглянула с недоумением и страхом:

– Ты сумасшедший?

– Это они сумасшедшие, – ответил я, с бьющимся сердцем стараясь, чтобы это звучало как можно невозмутимее. Кивнул на разбросанные по всей территории стонущие трупы: – Лежат бойцы, не справились с атакой... Лягут и остальные.

Сердце колотится, как будто пытается выскочить и спрятаться где-нибудь под шкафом, я вышел на середину, настороженно осматриваясь. Они все рассредоточились под стенами этого круглого помещения, гибкие и одновременно чудовищно мускулистые, разом выхватили из-за спин блестящие полосы стали. Туман почти рассеялся, металл блеснул тускло, зловеще, а от багровой надписи «Danger» на мечах заиграли красные сполохи.

Один ринулся на меня, размахивая во все стороны своей катаканой, я услышал сзади тревожный крик:

– Лови!

Не глядя, я выставил руку с растопыренной пятерней. В ладонь шлепнуло холодным и твердым, пальцы сомкнулись на рифленой поверхности. Это оказалась прекрасная старинная хирагана, я взмахнул ею, пытаясь определить балансировку, но самурай уже мелькнул близко, мечи сшиблись с металлическим лязгом. Некоторое время я отбивал удары, краем глаза следил за остальными, испуганное сердце перестало ломиться из грудной клетки, успокоилось и принялось за вязание: другие сто или сколько их там, красиво рассредоточились вдоль стен, все стоят через равные промежутки, синхронно двигают руками и ногами, прекрасная хореография, периодически кто-нибудь делает в нашу сторону угрожающее движение, вот щас брошусь, держите меня впятером, да держите же крепче, идиоты...

Мой оппонент дрался красиво и страшно, я едва успевал парировать молниеносные движения, потом он вдруг замер, уставившись в меня вытаращенными глазами. Я без труда ткнул кончиком меча, в этих случаях достаточно обозначить прикосновение, раздался всхлип, саму-

рай рухнул на спину с перерубленным горлом. Крови, однако, потекло мало, как из женщины, что и понятно, здесь же сражаться многим, все перемажемся, как свиньи, нехорошо, некрасиво, я быстро развернулся, по правилам хореографии следующий должен метнуться со спины, так и случилось, некоторое время в тишине слышался только звон, лязг и стук металла. Наши стальные полосы высекали тусклые короткие искры, наконец противник застыл в ожидающей позе, я красиво взмахнул лезвием... и хотя, по-моему, кончик меча даже не достал противника, тот отлетел в сторону с разрубленным лицом и упал на спину, раскинув руки.

– Слева! – вскрикнула моя красотка, тоже мне новость, конечно же, слева, а следующий бросится справа, нужна красивая очередность, не могут же выстроиться гуськом, неэстетично, а так в хореографическом кольце будут совершать танцевально-угрожающие телодвижения и бросаться, как пластиковые греки из Японии.

Я рубанул влево, красиво повернулся на правой задней ноге и ткнул вправо. Там послышался вскрик, или, говоря попросту, вскрикнуло, даже вопнуло, а я, не глядя, развернулся и сделал ровный, как по линейке, надрез на груди массивного быковатого, как минотавр, спецназовца в зеленом берете и с лапами на обеих задних ногах. Видимо, морской котик, а то и вовсе пингвин, но острое лезвие хираганы вскрыло котика, как торт из взбитых сливок.

Краем глаза видел зачарованные глаза торкессы. Она раскрыла хорошенький ротик в немом изумлении, брови взлетели на середину лба, непроизвольно выдвигается, дура, из убежища, стараясь не пропустить ни одного движения. Передние лапки дергаются, на микропроцессорном уровне повторяя мои движения, даже опережая и показывая мне, дураку, как надо лучше, чище, красивше, как будто эти дуры понимают, что такое красивше, в любом исполнении должна присутствовать небрежная элегантность, и чтоб еще либо ширинка расстегнута, либо рукав в говне.

Их оставалась еще треть, но руки мои устали, я хрипел и шатался. Соленый пот заливал лоб и выедал глаза, я кое-как размахивал хираганой, а иногда и просто выставлял ее острием вперед, чувствовал толчок, это очередной напарывался горлом, тогда я делал шагок назад и с усилием выдергивал самурайское орудие лишения жизни.

Некоторые идиоты натыкались грудью, приходилось дергать изо всех сил, высвобождая острую сталь. У одного вообще заклинило между костями, мне пришлось упереться ногой и выдергивать с такими усилиями, будто Святогор все еще пытается поднять сумочку Микулы Селяниновича. К счастью, остальные красиво танцуют вокруг, кувыркаются, размахивают мечами, никто не напал – наверное, все-таки не демократы.

Я смахнул пригоршней градины пота. Идиоты, что у них за ай-кью, ведь уже перебил на их глазах штук девяносто, ну почему бы остальным десяти не разбежаться с жалобными криками о спасении? Ну пусть даже не с жалобными. Пусть вообще молча, я ни на что не претендую, я же гуманист. Что это из них прет: самурайство или функциональность? В смысле, все мы функции...

Последний замахнулся мечом, я подставил хирагану, держа ее обеими руками, несчастный накололся, как жук на булавку, прохрипел:

– Человек-невредимка!..

– Он самый, – ответил я сипло. – Никого и пальцем не трону.

Торкесса первой бросилась к запертым дверям, сбила выстрелом замок и распахнула двери. Оттуда хлынули плачущие женщины, толстые бизнесмены, невинные дети с сосками во рту, перепачканные сладостями, длинноногие красотки... торкесса едва снова не захлопнула дверь, но красотки уже кончились, пошли дети сенаторов, полицейских, жены президентов, магнатов, олигархов, ведущих ток-шоу. Торкесса торопливо выталкивала их за двери, они ломались обратно и орали, что там темно, пусть за ними пришлют вертолет и еще два – с телеоператорами, они теперь – герои, им нужны награды и компенсации от правительства, льготные путевки, лечение и телеканал для собственного шоу.

– Вон еще дверь! – крикнул я сильным голосом.

Торкесса двумя выстрелами красиво отстрелила висячий замок. Он упал с грохотом, торкесса отпрыгнула, как от брошенной под ноги гранаты, пистолет задрожал в ее тонких руках.

– Не трусь, – сказал я обнадеживающе, – дальше будет еще хуже.

Длинный коридор больше напоминал стальную трубу диаметром с Московское метро, иногда попадались двери. Из-за одной доносились раздраженные голоса. Я остановился, осторожно постучал.

После паузы недовольный голос ответил:

– Кто там?

– Бюро добрых услуг, – ответил я. – Оббиваю двери кожей заказчика. Могу напечатать на туалетной бумаге портрет вашего шефа. Или вашей тещи...

За дверью огрызнулись:

– Что за идиот, у нас тут компьютер накрылся, а он...

– Играйте на запасном, – посоветовал я. – Или в онлайн, там можно вообще без компьютера.

Дверь распахнулась, едва не разбив стальной обшивкой мне лоб. На пороге возник крепкий мужик в белом халате, на кармане пластиковая карточка с надписью: Dr. Alien. Он вытаращил глаза при виде нацеленного ему в лицо пистолета, явно за этими бронированными дверями не слышали канонады.

– Кто... вы?

– Чем занимаетесь? – спросил я.

– П-п-п-повышением над-д-д-д-дежности...

Торкесса понимающе кивнула, я сказал тоже с пониманием:

– Любая система, зависящая от человеческой надежности, ненадежна. Много вас?

– Т-т-т-трое...

– И все такие яйцеголовые?

– Еще... яйцеголовее...

– Тогда играйте дальше, – разрешил я. – Сейчас новая байма выходит, «Князь Кий» называется...

– В нее и режемся, – буркнул он. – Прямо из Седьмого Волка украли, но третий левел пройти не можем.

Я взглянул на часы.

– На обратном пути, если успею, заскочу, покажу, как там можно пройти фуксом. Торкесса, поторопитесь, нас ждут великие дела!

Длинный коридор закончился массивной металлической дверью, похожей на банковскую. Холодный страх начал заползать в душу, я спешно задавил его и затоптал ногами, торкесса должна видеть героя, иначе не выживу, да и дверь неумехе и трусу не откроется. В этом мире как себя поставишь, так и воспримут. Потому имиджмейкеры сейчас важнее президентов, учат, чтобы принимали по одежке и наглой морде.

Я выпятил грудь, взгляд стал прищуренным и острым.

– Кодовый замок?.. Так-так... на голос или на отпечатки пальцев?.. На сетчатку глаза?..

Торкесса прошептала в страхе:

– Не сумеем?

– А это как себя поставим, – ответил я. – Вообще-то, разгадывать надо бы тебе...

– Почему?

Я помялся, прежде чем ответить с полной откровенностью:

– Настоящая женщина может ничего не иметь в голове и за душой – но за пазухой обязательно что-то должно быть!

Она тут же посмотрела на свою высокую грудь, перевела непонимающий взор на меня. В глазах быстро росла обида.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, набор отмычек, – сказал я торопливо, – или хотя бы камень, которым можно разбить этот замок...

Она сказала с торжеством:

– А вот и ошибся! У меня как раз для него есть в голове!

Она вскинула руки красивым танцевальным жестом, даже плечики поставила так, как Кармен в последнем акте, порылась в прическе. На свет появилась длинная шпилька.

– На конкурсе женской логики, – сказал я обалдело, – победил генератор случайных чисел... Это электронная отмычка?

– Нет, – ответила она удивленно, – простая шпилька... Нам запрещено пользоваться продуктами высокой технологии, забыл?

– Ну а как я...

Она смотрела с непониманием, я захлопнул рот, постарался внушить себе, что я и есть тот самый крутой умелец, что любой замок с любой секретностью откроет простой шпилькой, взял шпильку и начал ковыряться кончиком в отверстии, там на случай изменения отпечатков пальцев, болезни Альцгеймера или простой поломки предусмотрено и более простое решение... Однако замок открываться не желал, я наконец сообразил, что нужно внушить не мне, а ему, меня хрен обманешь, я цену собственной крутости знаю, а вот замок, возможно, дурак...

Щелкнуло, язычок уполз на один щелчок. Я возликовал, всегда приятно найти кого-то дурнее себя, говорят же, что нет ничего хуже, чем обманывать женщину, но нет ничего приятнее, когда это получается. Так и сейчас, обманул же, если честно, но вслух это звучит, что я победил, одолел, сумел, добился...

Дверь отворилась, распахнулся яркий свет, почти солнечный, все сверкает и блестит хромированными деталями, огромные экраны, на вычурных столах, вот уж дурацкий вкус у этих инопланетян, крупные компьютеры, но только за тремя трудятся ничем не приметные люди, будто это не мы с окраины Галактики, а они...

– Хенде хох, – сказал я громко. – Гитлер капут, а Наполеон и вовсе на Святой Елене... это такой остров. Не двигайтесь, останетесь жить.

Они смотрели ошалелыми глазами. Один начал подниматься, я показал ему пистолет, он рухнул обратно.

– Во что играете? – поинтересовался я. – О, и здесь «Князь Кий»... Кто расскажет, как пройти третий левел, убью последним. Кстати, где ваш суперкомпьютер?

Инженер дрожащим пальцем указал на дверь, на которой зловещими красными буквами надпись: «Только для персонала!»

– Это для нас, – объяснил я торкессе. – Персонал – это от «персона», «персонаж», сокращенно – перс.

Она кивнула, все трое по ее знаку легли лицом вниз. Я думал, собирается связывать, однако хладнокровно прошлась по их спинам, каждого била рукоятью пистолета по затылку. Я слышал сухой треск, подумал уважительно, что торкесса вообще-то не совсем размазня, надо перед нею пыжиться еще больше, иначе окажусь в роли Санчи Пансы или Ватсона...

– Это их уберет из этого мира, – объяснила она, – не меньше чем на час. Не переживай. Они очнутся даже без головной боли.

– А-а-а, – сказал я, сразу воспрянув духом, я вообще-то круче и немилосерднее, – ну, если без головной боли, тогда да...

Дверь под грозной надписью оказалась даже не заперта. Я переступил порог, застыл. Суперкомпьютер, как и положено королю или даже императору, возвышается на особом помосте из блестящего черного дерева, размером с мартеновскую печь, а выглядит как домашний

кинотеатр «все в одном». По всей панели в десятки рядов штырьки, разъемы, выходы, многочисленные экраны переливаются разноцветными огоньками. Только одно кресло перед клавиатурой, весьма продавленное, спинка вытерта.

– Я люблю тебя, жизнь, – сказал я ошарашенно, – что само по себе уже нонсенс!.. Его кто делал, Тьюринг?

Торкесса сказала почтительно:

– Я не знаю, кто этот мудрец, но этот компьютер... гм.. ну, словом...

Она замялась, я сказал наставительно:

– Неумение врать – еще не повод говорить правду. Ладно, это неважно. Давай-ка сейчас...

Дверь распахнулась, я инстинктивно отскочил, бросился плашмя, над моей головой просвистели пули. Трое, которых торкесса оглушила, как видимо недостаточно, с порога, прижимая к животам автоматы, поливали длинными очередями зал. Один прыгнул, ухватил торкессу и, быстро развернув ее, пытался поймать меня в прицел, но торкесса дергалась, лягалась, визжала.

Я наконец выхватил пистолет, дважды выстрелил. Двое тут же выронили автоматы, их отбросило, словно каждому в грудь ударило из катапульты. Третий, что закрывался торкессой, выпустил очередь, я ушел в кувырку.

– Эй, – прокричал я, – ты чего мебель портишь?.. Это же все ваше!..

Он следил за каждым моим движением, личина скромного инженера слетела, на меня смотрит опытный спецназовец, десантник, которому вся эта мебель и непонятные компьютеры до керосинки, пусть ломается, взрывается, горит синим пламенем.

– Что предлагаешь?

– Тебе нужен я, – выкрикнул я. – Так вот он я!.. Оставь женщину.

Он захохотал:

– Ты меня за дурака держишь?

– А как же, – ответил я честно. – Неужели не хочешь сойтись со мной грудь в грудь, ощутить на своем десантном ноже вкус моей человеческой крови?

Торкесса перестала дергаться, лицо стало синим, как у колхозной курицы. Инженер-десантник проговорил в задумчивости:

– Вообще-то, почему и нет...

– Так давай же, – сказал я. – Смотри, я бросаю пистолет...

Я в самом деле отбросил в сторону, патроны кончились, а беспатронный он угроза больше мне, чем от меня другим. Десантник поколебался, затем сильным рывком отшвырнул в одну сторону торкессу, в другую автомат. Широкая ладонь выдернула из-за пояса жутковатого вида десантный нож, искривленный на конце, с канавкой для стока крови, зловещими зазубринами.

Торкесса упала в угол и застыла, глядя расширенными от ужаса глазами. Я подмигнул ей, держись, мол, а десантник проревел в ее сторону:

– Смотри, как я убью сперва его, потом тебя!

Он сделал шаг в мою сторону, торкесса вскрикнула:

– Это нельзя!.. Это запрещено!

Десантник с каждым шагом становился все громднее, лицо вытягивалось, превращаясь в нечто среднее между мордой крокодила и рылом бультерьера. Он ухмыльнулся, голос проскрежетал, превращаясь в нечто вовсе нечеловеческое:

– Никто... не... узнает...

Я отступал, пока пятка не уперлась в стену.

– Я милого узнаю по колготкам, – пробормотал я. – А говорили, что зомби здесь тихие... Простите, а кем вы были до семнадцатого августа?

Десантник стал выше вдвое, голова как холодильник, а руки размером с книжные полки. Десантный нож тоже удлинился, теперь не нож, а турецкий ятаган... Ну, меч или ятаган для меня вещь знакомая, часто приходилось помахать заточенной полосой стали, вот только с таким мордоворотом еще не схлестывался...

Он остановился, несколько озадаченный:

– До семнадцатого?.. До семнадцатого года – помню, до семнадцатого века – тоже, а до семнадцатого августа... Что было в августе?

– Я так и знал, – вздохнул я. – Ладно, проходи, ложись, здравствуй... И улыбайся, я люблю идиотов. Ведь кто к нам с мечом придет, тот в орало и получит.

Он жутко ухмыльнулся:

– Что-то не то говоришь, земляной червячок. Страшно? Не ожидал?

– Не ожидал, – признался я. – Думал, ты такой дурак, что будешь соблюдать все эти дурацкие правила. Как будто жизнь не самое дорогое!.. Да за-ради жизни пойдешь на любую подлянку, на любые нарушения клятв, верно? Вообще-то, вкус и цвет – хороший повод для драки! Но с другой стороны: будешь тише – дольше будешь.

Он присвистнул озабоченно:

– Что-то не то говоришь...

– Не свисти, – сказал я строго, – девок не будет. Любимая, таких, как ты, не было, нет и не надо...

– Почему? – спросил он тупо.

– Потому что нельзя, – ответил я, – потому что нельзя быть на свете массивной такой...

Я сделал выпад с ножом в руке, проверяя его реакцию, ведь чем бегемот массивнее и крупнее, тем замедленнее двигается, но едва успел увернуться от огромной, как дверь, пятерни.

– Молодец, – похвалил я. – В гаремах нет плохих танцоров, правда? Ничего, цыплят по осени стреляют... Чем медленнее ты двигаешься – тем меньше ошибок делаешь! А еще ты знаешь, что чем страшнее у женщины морда, тем прозрачнее ее одежды?..

Он задумался, в то же время стараясь не двигаться, чтобы не наделать ошибок, я танцевал вокруг сперва бессистемно, потом лезгинку, затем перешел в гопака, так можно подкрасться и подрезать сухожилия на пятках.

Вообще-то, тех, кто к нам с мечом пришел, лучше бы застрелить безо всякого меча, но пистолет у меня хоть и быстр, как у Спиллейна с Хаммером, но пуст, надо что-то придумать похитрее...

– Видишь, – крикнул я, – я как Вахтанг Комикадзе вокруг тебя, а ты бы спел, как Тамара Ркацители!

Он хищно захохотал:

– Хочешь жить вечно, человечек?

– Хочу, – согласился я. – Пока получается.

– Уже нет, – ответил он, я едва успел метнуться в сторону, как он ринулся на меня, растопырив руки и раскрыв чудовищную пасть. Пальцы цапнули меня за подошву, я бешено рванул ногу, выдернул, оставив ботинок. При падении я перекатился через голову, больно ушиб локоть, колено, шею, голову и копчик. Ладонь упала на приклад автомата. Великан развернулся, снова распахнул пасть с двумя сотнями зубов.

– Жизнь, – сообщил я ему, – сложная штука. Сделать ее простой может только вот это...

Палец с силой вдавил спусковую скобу. Отдача едва не размазала меня по стене, автомат грохотал, в груди великана появились дыры, оттуда хлынула черная, как нефть, густая пенная жидкость. Он покачнулся, прохрипел:

– Ты... обманул?

– В этом мире лжи и лицемерия уже так трудно кого-нибудь обмануть... – ответил я с грустью, – что это даже не обман, а так, фигня, военная хитрость. А что разрешенное, сам знаешь, неинтересно.

Он покачнулся, упал на колени. Кровь хлещет тугими струями, торкесса вскочила на стул, я начал оглядываться, попятился к компьютеру, пол заливает, как при прорвавшейся канализации.

– Ты... кто? – прошептал десантник.

– Человек, охлобленный жизнью, – ответил я искренне. – Хотя, если верить французским гуманистам, я родился добрым. Но Фрейд говорит, что все мы рождаемся бесстрашными, доверчивыми и тупыми. И большинство из нас остается тупыми. Ты не стой на коленях, я тебя уже простил... только автомат, прости, не выпущу.

Он прошептал уже едва слышно:

– Жизнь – как злая соседка. Прошла мимо и даже не поздоровалась...

– Если бы жизнь была интересна, – возразил я, – никто не играл бы в карты.

Торкесса взвизгнула с высоты стула:

– О чем вы там говорите? Нашли о чем говорить!

Он указал мне на нее глазами:

– Послушай совета женщины и сделай все наоборот, чтобы потом от нее услышать, что она так и хотела сделать, в то время как ты херню какую-то порол.

Глаза закатились под лоб, качнулся и с грохотом повалился на бок. Я держал его на прицеле, торкесса вскрикнула:

– Чего ты ждешь? Надо включить компьютер!

– погоди, – сказал я негромко. – Щас...

Тело десантника лежало недвижимо, я уже хотел было подняться и убрать автомат, как вдруг его колени начали быстро подгибаться, руки подбросили от пола, он вскочил, весь залитый кровью, и прыжком оказался на том месте... где я только что стоял.

Упершись спиной в стену, я выпустил остаток диска ему в левый бок. Он вздрогнул, повернул голову, в глазах блеснули оранжевые огни. Он прохрипел, падая в лужу своей же крови:

– Скажешь, погиб обер-гендальт Кен Жутер из особого десантного...

Кровь взлетела во все стороны, как при взрыве. Торкесса завизжала, ее тонкие лапки принялась поспешно стряхивать брызги. Тело десантника некоторое время лежало неподвижно, затем по груди и животу пробежали голубые змейки электрических разрядов, послышалось шипение. Я потряс головой, но все в помещении на местах, только тело стремительно съезжается, уменьшается, превратилось в крохотный ком и растворилось. Пол снова блещет стерильной чистотой.

– Вот что значит высокая цивилизация, – сказал я с великим почтением. – Какое уважение к экологии! Никакого мусора...

Торкесса спросила потрясенно:

– Ты... знал?

– Конечно, – ответил я.

– Но... откуда? Как?

– Это Земля, лапочка, – ответил я снисходительно. – Недаром же здесь извечную мудрость ищут!

– Но даже я не знала... что они вот так!

– А у нас каждый ребенок знает, – успокоил я, тем самым вогнав ее в черную депрессию. – Мы живем в психозойскую эру, если ты понимаешь, что это значит.

Все еще тяжело дыша, я прислонился в запоздалом изнеможении к стене. Голову откинул, прижимаясь затылком к холодному металлу, так я выгляжу эффектнее, видно, как бурно

вздывается грудь, и хоть было бы красивше, будь на моем месте женщина, это сиськи вверх – сиськи вниз, сиськи вверх – сиськи вниз, сиськи вверх... словом, приятное зрелище, просто красота, но ладно, пусть посмотрит, какой ширины бывает у меня грудь, как раз ее голова поместится...

Послышался дрожащий голосок:

– Ты все о'кей?

– Да, – ответил я, – конечно, еще бы!.. Врубай комп, пусть проц разгоняется, проверяется, вирусы ловит, фаеволы щупает, а я как раз доберусь до кресла, надо спешить.

Она торопливо метнулась к пульту. Я дотащился, вздрагивая и потряхивая дланями. Почему-то хотелось остановиться, вскинуть кверху передние конечности и заорать по-тарзаньи навстречу бьющим с потолка ветвистым молниям под музыку Фредди Меркури. Торкесса торопливо ткнула в power on, глаза ее продолжали растерянно бегать по клавише any key.

ГЛАВА 10

Я тяжело, с достоинством, опустился в кресло. Оно угодливо приняло форму моей задницы, что значит за галактическим океаном делано, качество не моей родной мануфактуры, в моем кресле не заснешь, а здесь релаксируй себе, в таком кресле всегда по онлайн будешь битым в кваке.

Торкесса потрясла за рукав.

– Не спи! Если надо расслабиться, я сейчас помогу тебе с твоими проблемами, я выполню все твои фантазии...

– Нет-нет, – сказал я поспешно, – уже бодр, пьян и нос в табаке. Что мы ищем? Ах да, нашего резидента! Щас мы это самое...

Чем хороши суперкомпьютеры, которые используют НАСА и ЦРУ, или другие правительственные учреждения, так очень простым графическим интерфейсом. Если же графического интерфейса нет, то используется чрезвычайно мощная оболочка, понимающая литературный английский. Это значит, что такая оболочка предоставит доступ к любой нужной информации, стоит набрать вроде: «Получить доступ к секретным файлам».

И еще очень мило, что эти компьютеры загружаются не больше чем пару секунд, любые сложнейшие вычисления и загрузка – хоть терабайт инфы – занимают те же две секунды, а выключать комп можно, не сохраняя данные. Он сам знает, когда сохранять, а когда и не надо.

Я быстро отстучал вопрос, стараясь ни разу не задевать пробел, но комп знал, что собираюсь написать, и заранее исправлял опечатки и раздвигал слова на благоразумное расстояние одно от другого. Буквы бежали по экрану крупные, четкие, чтобы тот, кто смотрит издали из-за моего плеча, мог рассмотреть без бинокля. И, что понравилось, у суперкомпьютеров не бывает курсора.

Наконец я энтерякнул, в компьютере загудело, застонало, слышно, как заработали маховики, пошли перекачиваться ведра жидкого гелия и азота, из слота поползла широкая перфолента, я подхватил край и заправил в другой слот, напротив. С минуту двухпоточковый комп переваривал информацию, Торкесса вздрогнула, на экране высветилась зловещая красная табличка: «Отказ в доступе». Она жалобно вскрикнула: все рушится. Я стиснул челюсти, подумал и кликнул на «Игнорировать». Табличка послушно исчезла, высветился сверхсекретный список. Торкесса вскрикнула уже ликующе:

– Какой ты умный!

– Да уж, – признался я скромно. – Такое могу только я.

Я быстро отыскал среди шести триллионов файлов с нужным расширением, вывел его на экран. Торкесса пригнулась, всматриваясь, свет от монитора падал на ее одухотворенное лицо, я же засмотрелся на ее эротично изогнутую в нужных местах фигуру. Вдруг она вскрикнула:

– Что это?

Файл быстро исчезал с экрана. Я выругался:

– Кто-то удаляет!

Я торопливо застучал по клавише, пытаюсь остановить, однако файл исчезал, истончался, как льдинка в горячей ладони, через пару мгновений мы смотрели на белый экран. Мои пальцы простучали команду: «Unerase», я стукнул по вводу, в ответ послышалось оскорбленное жужжание, на экран выпрыгнула табличка холодного цвета: «Команда неверна, сменить пользователя».

Я нехотя слез с кресла:

– Лилея, давай попробуй!

Она сказала сердито:

– Это же комп высшего класса, здесь даже видно, как удаляют файл, операционка W-XP-56, а ты – unerase! Еще бы undelete отстучал!

– Хорошие команды, – огрызнулся я. – Старые, надежные, еще от предков наших, скифов. Твой комп – Иван, не знающий родной истории! А это чревато боком.

Она быстро села на мое место, пальцы запорхали над клавиатурой, затем запрыгали, как капельки дождя. Печатает со скоростью тыща знаков в секунду, ни разу не задела клавишу пробела, но и ее слова идут аккуратные, отделенные одно от другого, с крупными буквами, чтобы их мог узреть каждый от дальней стены. Наконец красивые гибкие руки совершили последний аккорд, кисти красиво взлетели для последней ноты, указательный палец коснулся enter...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.